

ЛЕНА ЛЕТНЯЯ

АКАДЕМИИ ЗА ЗАНАВЕСЬЮ

МАГИЧЕСКИЙ
СПЕЦКУРС

ПЕРВЫЙ СЕМЕСТР

Annotation

Получив диплом бакалавра в обычном мире, я никак не ожидала, что придется отправиться в мир магический для прохождения спецкурса для детей Покинувших. Папа обещал, что это безопасно и я в любой момент смогу вернуться, но с первых же дней все пошло не так: я оказалась в ловушке и кто-то с завидным постоянством пытается сжить меня со свету. Почему родители всю жизнь скрывали от меня мое происхождение и отправили в Орту совершенно неподготовленной? Почему они продолжают врать мне? Чем вызван интерес к моей скромной персоне преподавателя Темных ритуалов и заклятий и какие тайны скрывает он сам?

Я всегда росла довольно приземленной девушкой. Не верила в гороскопы, приметы и вещие сны, не гадала на Рождество. Но был один сон, который снился мне снова и снова, как правило, накануне дурных вестей. В этом сне — настоящем кошмаре — я все убегала от кровожадных монстров, а они неизменно настигали меня, после чего я просыпалась в холодном поту и с замершим криком на губах. Это началось еще в детстве, но, к счастью, видела я его не так часто.

В очередной раз это случилось в начале лета после того, как я благополучно получила диплом бакалавра по специальности «Корпоративный менеджмент». У меня к тому времени был разработан долгосрочный план, предполагавший постепенный карьерный рост, учебу в магистратуре, покупку машины, ипотеку...

Где-то там между машиной и ипотекой я планировала красивую, но не слишком затратную свадьбу с моим молодым человеком. Честно говоря, пока он ничего такого не предлагал, но мы уже присмотрели квартиру, которую будем снимать в ближайшем будущем. Сразу после того, как у меня тоже появится работа и мы сможем платить за нее поровну. Да, у меня имелся понятный четкий план на ближайшие пять лет жизни. План, которому не суждено было сбыться.

Когда я вновь проснулась в поту еще до рассвета, задыхаясь от ужаса, я поняла, что в ближайшее время что-то обязательно пойдет не так. И как в воду глядела.

На следующий день родители устроили для меня настоящий праздник, поздравляя с получением диплома. Потом они усадили меня в кресло и сами с серьезным видом сели напротив на диван. После такого начала и ночного кошмара я ждала любой подлянки: сообщения о разводе или, наоборот, о том, что они после всех этих лет решили завести второго ребенка. Я готовилась услышать о финансовых проблемах, из-за которых они не смогут оплатить мою магистратуру даже через год. Это внесло бы некоторые коррективы в мой план. Или, наоборот, оповещения об их решении уехать в Индию искать просветления и оставить ненужную московскую квартиру в полное мое распоряжение вместе с папиной машиной. Я готовилась ко многому, но оказалась не готова к тому, что услышала.

— Боюсь, тебе придется повременить с поиском работы, — немного виновато начала мама, — и пройти еще год обучения.

— Обучения чему?

— Необходимому минимуму, соответствующему нашему происхождению, — тон отца звучал более спокойно и уверенно. Впрочем, он всегда умудрялся оставаться спокойным, как удав.

Я моргнула, дожидаясь какого-то озарения, но память предательски молчала. Никаким особым происхождением мы не отличались. Обычная московская семья. По крайней мере, я родилась уже в Москве, это я точно знала: так было написано в свидетельстве о рождении и в паспорте. Я никогда не слышала, чтобы родители упоминали какие-то другие места.

— Понимаешь, Танюша, — снова вступила мама, говоря все тем же извиняющимся тоном, — мы никогда не рассказывали тебе кое-что важное о нашей семье. В детстве не знали, как объяснить, что это большая тайна, а потом... потом уже не знали, как объяснить вообще.

— Но теперь откладывать некуда. Тебе уже исполнился двадцать один год, поэтому ты

должна пройти спецкурс в Орте, в противном случае мы будем должны выплатить довольно крупный штраф.

— В Орте? — это единственное, что я смогла переспросить, потому что других незнакомых слов в речи родителей не встретила и предполагала, что, узнав его значение, пойму и все остальное.

— В Орте, — подтвердил папа. — Это... скажем так, магический университет. Мы маги, Таня. Точнее, те, кого в нашем родном мире принято называть Покинувшими. Мы покинули магический мир ради того, чтобы жить в обычном. На то было много причин, сейчас они не имеют значения. Любой маг может выбрать, жить ли ему за Занавесью или отправиться в мир людей, но правила гласят, что ради сохранения культуры и магического наследия предков, даже Покинувшие должны на один год отправлять детей в родной мир на обучение. Ничего сложного или опасного. Тебе просто расскажут об истории и культуре нашего мира, о том, почему маги предпочли уйти за Занавесь. Научат полезным бытовым фокусам. Это всего на год.

Он замолчал и выжидающе посмотрел на меня. Я и сама понимала, что пора бы уже выдать какую-то реакцию, но продолжала только глупо хлопать ресницами. Нормальным детям такие вещи сообщают в одиннадцать лет, а не в двадцать один год, когда они уже распланировали будущее. Когда в одиннадцать великан притаскивает тебе письмо из Хогвартса, ты испытываешь радостное возбуждение и предвкушение. Когда в двадцать один родной отец — успешный и уважаемый человек — сообщает тебе подобное, ты неизбежно начинаешь подозревать, что он просто спятил. Вместо радостного возбуждения и предвкушения на меня накатила паника. Я взрослая девочка и морально давно готова к тому, что родители не вечны, рано или поздно потеряют дееспособность и уже мне придется их содержать и ухаживать за ними. Не готова я была делать это сейчас, пока сама не встала на ноги.

Видимо, этот страх и эти мысли отразились на моем лице, потому что отец погрузился и тяжело вздохнул. Прежде, чем я успела что-то сказать, он резким движением вытянул вперед руку ладонью вверх. На ладони лежала водная лилия. Нежные, отливающие голубым лепестки покрывали прозрачные капельки воды. Я едва успела осознать это чудо, как папа сделал еще одно резкое движение, подкидывая цветок вверх. Тот вспорхнул, в мгновение ока превратившись в маленькую белую птичку. Я испуганно пригнулась, но птичка уже тоже исчезла, разлетевшись над моей головой россыпью сверкающих точек — блестящих на солнце то ли осколков, то ли крошечных, искусно ограненных драгоценных камней. Они зависли в воздухе вокруг меня, а потом принялись плавно двигаться, словно танцуя под несуществующую мелодию. В завершение каждая точка сверкнула особенно ярко и исчезла.

Мне часто доводилось слышать и читать о моментах, которые меняют жизнь, делят ее на две части — до и после. Для меня растворившиеся в воздухе сверкающие точки стали таким моментом. Они изменили не просто мою жизнь. Они изменили мир вокруг меня и мое восприятие этого мира.

За три летних месяца родители еще несколько раз показывали свои возможности. В частности, я поняла, как моей маме удастся поддерживать столь идеальный порядок в квартире, при этом работать и заниматься собой. Бытовые заклинания оказались действительно полезной штукой. Однако ни мама, ни папа не горели желанием объяснить мне причины своего выбора, как не желали часто пользоваться магией. Они наотрез отказались учить меня чему-нибудь простому, сославшись на то, что преподаватели сделают

это правильное, и ничего не объяснили мне про Занавесь. Папа ограничился лаконичным объяснением:

— Это как бы... параллельный мир. Тебе все подробно расскажут в Орте.

Честно говоря, поэтому меня не очень-то тянуло в Орту и за Занавесь. Раз моим родителями там так не нравилось, что они даже не желали об этом говорить, то что мне там делать? Но мне напомнили про правила и штраф, который превосходил по размеру два года обучения в магистратуре.

Через какое-то время я свыклась с необходимостью отправиться в магический мир и решила, что это будет даже интересно. И не так уж сильно нарушит мои планы. Тем более, родители заверили, что Орта умудряется выдавать какие-то документы об обучении по обмену за границей. Сережке, своему парню, и лучшей подруге с детства Инге я скормила ложь про внезапное обучение за границей, которое устроил для меня отец. Конечно, Сережа в восторг от этой новости не пришел, но после долгих увещеваний согласился, что это не так уж и плохо и пойдет на пользу моей карьере. Он обещал меня ждать, писать каждый день и приходить на свидания по скайпу.

А вот с Ингой номер не прошел. Мы встретились в нашей любимой кофейне, я вдохновенно изложила историю с обучением за границей, но она с подозрением нахмурилась

— А куда ты едешь? Я хоть смогу тебя навещать?

— В Англию, — быстро выпалила я, глядя в сторону. Мы с папой выбрали эту страну, поскольку получение английской визы — тот еще квест, и можно было не бояться, что все знакомые побегут ее оформлять, лишь бы повидать меня на выходных. — Папа обещал, что я смогу сама возвращаться домой на выходные раз в месяц или два. Так что видеться сможем.

— Хм, мне бы такого отца, — протянула Инга, и мне очень не понравился ее тон. Кажется, где-то я успела проколоться. — А что за университет? Где будешь жить? Это в Лондоне? И что за программа? Может, мне предков напрячь и тоже на нее податься? Будет веселее вдвоем.

Я покосилась на нее и по скептическому выражению лица поняла, что она мне не верит. Наверное, не стоило говорить, что буду часто летать домой. Мне хотелось оставить за собой возможность видеться с Ингой и Сережкой хотя бы раз в месяц, поскольку Орту разрешали покидать хоть каждые выходные. Вот только Инга, видимо, неплохо представляла себе стоимость перелета из Лондона в Москву и обратно. И в такую щедрость папы не поверила.

— Думаю, в этом году уже поздно на нее подаваться, — проямлила я, решив ответить только на последний вопрос.

— Там наверняка зачисления каждые полгода: летнее и зимнее, — не сдавалась Инга, выразительно глядя на меня. Теперь ее взгляд прямо говорил: «Как долго ты собираешься вешать мне лапшу на уши?»

Я обессиленно откинулась на спинку кресла и сокрушенно покачала головой, чувствуя, как краснею. Я всегда легко краснела.

— Ведь знала, что не прокатит...

— Ну, как минимум, тебе стоило лучше подготовиться, — удовлетворенно хмыкнула Инга. Было не похоже, что она злится на меня за попытку обмануть. — Так что стряслось на самом деле? Ты беременна и хочешь на год свалить, чтобы по-тихому родить и отдать малыша на воспитание?

Я чуть не подавилась карамельным фраппучино, который пила. Ничего себе фантазии!

— Как ты могла подумать про меня такое?! — кажется, я возмутилась слишком громко, потому что на нас обернулось несколько человек.

— А что еще ты могла бы попытаться от меня скрыть? От Сережки — ладно, но от меня?

— Просто, если я тебе скажу правду, ты не поверишь, — уже тише ответила я, не желая привлечь к нам лишнее внимание.

— А ты попробуй, — подбодрила Инга, делая большой глоток из своей чашки.

— Мои родители отправляют меня в параллельный мир учиться на специальном годичном курсе в магическом университете, — на одном дыхании выпалила я.

Пришел черед Инги поперхнуться напитком. Она смотрела на меня расширившимися от удивления глазами, но при этом без страха и желания вызвать санитаров. Что уже немного воодушевляло.

— Не гони пургу... — выдохнула она, снова прищурившись и глядя на меня, как мне показалось, с надеждой. Как я могла забыть, что Инга большая поклонница книг в жанре фэнтези? Она и меня пыталась на это подсадить, но мне они всегда казались настолько далекими от реальности, что читать их было скучно. Да, кто бы знал...

— Не гоню, но моя реакция была такой же, когда родители все это на меня вывалили. К сожалению, я пока магией не владею, поэтому не могу тебе показать тот фокус, который запилил папа в качестве доказательства. Хотя, — я боязливо оглянулась по сторонам, — тут я его все равно показывать не стала бы. Вообще-то это большой секрет. Ты не должна была его узнать, но я просто не могу тебе врать. Ты меня все равно просекаешь.

— Тебя просечь — как нечего делать, — усмехнулась Инга и покачала головой. — Ну, надо же... Неужели правда? Почему такие вещи не случаются со мной? Ты же даже фэнтези не любишь...

— Видимо, у меня это наследственное, — я нахмурилась, снова вспомнив о том, что не давало мне покоя с самого «большого разговора». — Мои родители почему-то ушли из того мира и никогда про него не говорили. Мне кажется, они и на спецкурс этот меня отправлять не хотели, но потом, видимо, денег не хватило откупиться.

Инга, конечно, тут же потребовала подробности, которые я ей и выложила, стараясь говорить как можно тише и надеясь, что меня не посадят в какую-нибудь магическую тюрьму за разглашение великой тайны.

— Офигеть, — протянула Инга, напрочь забыв про свой мокко. — Как же тебе повезло...

— Угу, как утопленнику, — фыркнула я. — Все планы насмарку, еще и думай, не сбежит ли за год от меня Сережка. Не верю я в любовь на расстоянии.

— Да подумаешь, — подруга состроила такую забавную рожицу, что я улыбнулась, невзирая на все тревоги. — Очень он тебе нужен будет, когда ты окунешься в мир магии и приключений. Может, у тебя сложится с красавчиком-ректором императорских кровей.

Мы рассмеялись.

— Нет, это точно не вариант, — поспешила я загубить ее фантазии на корню. — Папа сказал, у них там за Занавесью уже несколько веков федеративная республика, во главе которой канцлер, а не император.

— Да и черт с ним, — отмахнулась Инга. — Красавчика-ректора это не отменяет. Или хотя бы декана. Короче, уверена, ты там найдешь кадры поинтереснее Сереги.

— Я не собираюсь искать там любовь, — заверила я. — И вообще не планирую там

задерживаться дольше положенного срока. Пройду спецкурс — и вернусь.

В тот момент я действительно верила, что так и будет.

Не знаю, какой я ожидала увидеть Орту. Наверное, похожей на средневековый замок с серыми мрачными стенами, факелами на стенах и сотнями свечей в больших хрустальных люстрах. Но в неприметном двухэтажном здании в Фурманном переулке, куда меня отправили родители, все выглядело довольно обычно и приземленно: крохотный холл, пустой гардероб по левую руку и стена, увешанная расписаниями, распоряжениями и объявлениями, — по правую. Место больше походило на крохотный филиал какого-нибудь заштатного колледжа.

Холл заканчивался турникетом, рядом с которым за скромным столом сидела то ли вахтерша, то ли гардеробщица — полная невысокая женщина лет пятидесяти с простым лицом и коротко подстриженными волосами с мелкой «химией».

— Вы к кому? — неприветливо поинтересовалась она.

— Я... вот...

Я протянула ей прозрачный файл с несколькими документами: ксерокопией паспорта, свидетельства о рождении, школьного аттестата и диплома бакалавра. Женщина сосредоточенно их изучила, потом достала из ящика стола какую-то большую амбарную книгу с порядком засаленными страницами. Пролистав ее, она нашла нужный разворот, а потом и строчку, и что-то в ней пометила. После этого она убрала и книгу, и ксерокопии в стол, взяла из стопки небольшую карточку, размером с почтовую открытку, и принялась аккуратно ее заполнять. Все это она делала молча, даже ни разу не посмотрев на меня.

Я терпеливо ждала и тоже молчала. Заполнив на карточке все графы, женщина протянула ее мне и кивнула на турникет.

— Учебная часть по коридору налево. Вам туда. Чемодан можете оставить в холле сразу за турникетом.

Турникет загорелся зеленой стрелочкой, хотя я не заметила, чтобы женщина нажимала на какие-либо кнопки. Она вообще уже забыла о моем существовании, уткнувшись в какую-то книжку в мягкой обложке. Мне не оставалось ничего другого, кроме как толкнуть «вертушку» и пойти искать учебную часть. В этот момент я уверовала в то, что Орта окажется еще прозаичнее университета, в котором я училась.

Реальность не оправдала ни первого, ни второго предположения. Стоило мне сделать шаг, как воздух вокруг меня на мгновение задрожал, словно я потревожила идеально гладкую поверхность прозрачного водоема. Скучный коридор исчез, низкий потолок куда-то улетел — поднялся так высоко, что я теперь не могла его рассмотреть, — зеленоватая казенная краска сменилась ослепительно белым камнем, частично скрытым за шикарными, расшитыми золотыми нитями гобеленами. Стены разошлись в стороны, и передо мной появилась огромная лестница из светлого мрамора, покрытая широкой красной ковровой дорожкой. Освещалось это новое помещение желтоватыми шарами, висящими прямо в воздухе, как маленькие солнышки.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, как дышать. Сделав неуверенный шаг вперед, я обернулась. Турникет все еще оставался на месте. Как и узкий проем, в котором он стоял. И за ним виднелся унылый холл с пустым гардеробом, расписаниями на стене и вахтершей за столом. Зеленая стрелочка «вертушки», работающей на выход, давала понять, что я в любой момент могу вернуться обратно. Это успокаивало.

Однако делать это сейчас я не собиралась. Запрокинув голову, я рассматривала пронзительно красивый холл. Мой взгляд остановился на огромном портрете женщины, висевшем на одной из стен. Это был явно «парадный» портрет в полный рост. Судя по осанке и роскошному платью, женщина принадлежала к какой-нибудь местной элите. Красивое, благородное лицо обрамляли темные волосы, собранные в сложную прическу, голову венчала бриллиантовая диадема. Женщина при этом не выглядела заносчивой или высокомерной, карие глаза смотрели с теплотой.

Напротив, на другой стороне холла, висел такой же парадный портрет мужчины: высокого, широкоплечего, сильного блондина с зелеными глазами. Он тоже был одет богато, на поясе у него красовался огромный меч с усыпанной драгоценными камнями рукоятью.

Изучив оба портрета, я оглянулась по сторонам и с удивлением обнаружила, что чемодан на колесиках, который я ненадолго выпустила из рук, куда-то исчез. Оставалось надеяться, что он потом где-нибудь появится. Найдя взглядом нужный коридор, я отправилась искать учебную часть.

Наверное, мне стоило больше смотреть в ту сторону, в которую я шла, и меньше — во все остальные, но меня постоянно что-то отвлекало.

Пробираясь сквозь изумительные цветные витражи на окнах, солнечные лучи окрашивали белые стены коридора в яркие цвета, создавая причудливые картины. Проходя мимо, я не могла оторвать от них взгляд. Мне казалось, что они живые и шевелятся.

В одном месте мне под ноги бросился пушистый колобок на ножках. Сначала я приняла его за кошку, но потом поняла, что это животное не имеет с ними ничего общего, кроме мягкой шерсти. Я попыталась его погладить, но колобок чего-то испугался и засеменил прочь.

В другом месте мое внимание привлекли порхающие в воздухе крошечные феи. Засмотревшись на них, я не заметила, как распахнулась дверь одного из кабинетов и из нее вылетел молодой человек. Сам он тоже шел в одну сторону, а смотрел в другую, заканчивая разговор с кем-то, кто остался в кабинете. В итоге мы столкнулись, я умудрилась довольно болезненно удариться головой об его нижнюю челюсть. Мне показалось, что у меня искры из глаз посыпались. Поскольку молодой человек превосходил меня и по росту, и по массе, он устоял на месте, а я повалилась на пол.

Он тут же что-то заговорил. По тону это походило на: «Куда прешь, совсем ослепла?» Только вот сказал он это на каком-то языке, который я раньше не слышала. Кроме русского я владела только английским, поэтому его с уверенностью смогла исключить.

— Простите, — пробормотала я, чувствуя, что краснею.

Молодой человек тут же замолчал и посмотрел на меня с интересом. Потом даже протянул руку и помог встать. Он снова что-то сказал, и на этот раз это прозвучало как вопрос. Одет он был непривычно: во все белое. Брюки со стрелками, удлиненный пиджак, похожий одновременно на старомодный сюртук и военный китель с высоким воротником-стойкой. В застегнутом виде этот воротник наверняка причинял массу неудобств, но у незнакомца бесконечный ряд мелких пуговиц был полностью расстегнут, открывая такую же белую ткань футболки. Белоснежная одежда прекрасно гармонировала со стенами, но резко контрастировала со смуглой кожей и черными, короткими волосами.

— Извините, я не понимаю, — как можно спокойнее постаралась объяснить я, поправляя волосы и с трудом удерживая себя от того, чтобы потереть ушибленную голову.

На его лице — довольно красивом, на мой вкус, — появилась улыбка. Даже не улыбка.

Ухмылка. Он сложил руки на груди — очень сильные руки на широкой такой груди — и окинул меня насмешливым взглядом с головы до пят, задержав взгляд на декольте. Ни этой, ни какой-либо другой части своего довольно хорошо сложенного тела я никогда не стеснялась, но столь откровенные разглядывания меня всегда раздражали. Я машинально поправила белую блузку, которую надела к прямой, умеренно короткой юбке в качестве «парадной» формы для первого явления в Орту. Желание застегнуть пару пуговиц и сделать вырез не таким большим я задавила в зародыше.

Незнакомец что-то мурлыкнул. Иначе непонятную фразу я назвать не могу, поскольку тон у него вдруг стал мягким, заигрывающим. Обычно таким тоном молодые люди говорили что-то вроде: «Ну что, красивая, поехали кататься?» Наверное, именно поэтому я решила, что и этот высокий мускулистый красавчик с лицом кинозвезды предложил мне что-то непристойное для первого знакомства.

Мне оставалось только оскорбленно дернуть плечом, отвернуться и продолжить свой путь, поскольку еще раз объяснить, что я его не понимаю, мне показалось глупым. Если он сам до сих пор не сообразил, что мы говорим на разных языках, то он непроходимо глуп. А красивые, но тупые мальчишки перестали интересоваться мной еще в старших классах.

Незнакомец что-то крикнул мне, но, к счастью, преследовать не стал, только рассмеялся, что было немного обидно. Я искренне понадеялась, что это не мой будущий сокурсник. Впрочем, он выглядел несколько старше, ближе к тридцати, поэтому вполне мог оказаться местным преподавателем.

Наконец в пустом коридоре мне попался кабинет, под дверью которого стояли трое: двое парней и девушка. Они выглядели так же обычно, как и я. Это позволяло надеяться, что я все-таки нашла учебную часть. Для верности я все же обратилась к группе с вопросом, но парни промолчали, а девушка тоже отозвалась на незнакомом языке. Прямо Организация Объединенных Наций, а не университет. Я попыталась повторить вопрос по-английски, чем очень рассмешила рослого долговязого парня. Девушка — худенькая блондинка с раскрашенными во все цвета радуги локонами — нахмурилась и... тоже пытливо уставилась на мою грудь, как и предыдущий собеседник. В этот момент в мою голову впервые закралось сомнение. Едва ли ее интересовали мои прелести, она подобным и сама могла ежедневно любоваться в зеркале.

Девушка тем временем снова что-то мне сказала и продемонстрировала переливчатый камень, висевший у нее на шее на длинной цепочке. Только тогда меня осенило, и я мгновенно почувствовала себя круглой душой. Родители вручили мне точно такое же украшение, велели надеть, как только я окажусь в Орте. В тот момент я думала о чем-то своем, кажется, пыталась представить себе, как выглядит настоящий магический университет, поэтому забыла об этом в следующую же секунду.

Порывшись в сумочке, я нашла подвеску и надела ее на шею.

— Лучше? — с улыбкой уточнила моя собеседница.

— Гораздо! — облегченно выдохнула я. — Как я могла забыть про эту штуку? Почему я раньше про нее не знала? Не пришлось бы учить английский...

— О, эти амулеты действуют, только если оба собеседника их носят. Кстати, меня зовут Хильда. А ты тоже из Покинувших? — она пробежала по мне оценивающим взглядом. Мой наряд «хорошей девочки» вызвал у нее улыбку. Сама Хильда особо наряжаться не стала и пришла в Орту в светлых джинсах с прорезями на коленках и в объемной кофте, которая держалась у нее только на одном плече, а со второго спадала. — На спецкурс?

— Да, — кивнула я, чувствуя себя немного неловко. — Меня зовут Таня.

— Тогда вставай в очередь. Просили заходить по одному. Будешь за мной.

Учебная часть магического университета мало чем отличалась от обычной. Разве что компьютеров тут не было, только толстые книги.

— Вы у нас кто? — спросила меня женщина за ближайшим столом.

Магический мир или нет, а с вежливостью в таких местах дела всегда обстоят плохо.

— Добрый день. Меня зовут Татьяна Ларина. Я из Покинувших. Мне необходимо пройти спецкурс, — бодро отрапортовала я, протягивая карточку, врученную мне на входе.

Отчасти я ждала привычного хмыканья и цитирования: «Итак, она звалась Татьяной...» Этими словами встречали меня все и всегда, поэтому про «Евгения Онегина» я узнала задолго до того, как нас свела школьная программа. Однако в этот раз на мое имя никак не прореагировали. Женщина только открыла новую страницу в журнале, приложила к ней мою карточку и накрыла ее рукой. Пустые графы тут же наполнились текстом: мое имя, дата рождения, родители, образование — все данные, которые содержались в принесенных мною ксерокопиях. Потом женщина пристально на меня посмотрела, подняла руку и с силой хлопнула ею по карточке. В мгновение ока на ней появился мой портрет, по качеству не уступающий фотографии: немного испуганный взгляд зеленых глаз, бледноватая кожа, медно-рыжие волосы, непослушными волнами рассыпанные по плечам. Точно такое же изображение проступило и в журнале.

«Чертовски удобно», — подумалось мне.

— Вы зачислены, — сообщила женщина и протянула мне обратно карточку и тонкую картонную папку с замысловатой эмблемой. — Здесь необходимая информация. И вас ждут в лекционной аудитории номер пять. Второй этаж, южное крыло. Всего доброго.

Хильда почему-то решила подождать меня, поэтому лекционную аудиторию номер пять мы отправились искать вместе. Это оказалось проще, чем мы думали, потому что на каждом этаже северное и южное крылья были помечены, а возле одной из аудиторий толпилось около сорока человек. Стоило нам подойти, ее двери распахнулись, словно ждали только нас.

Аудитория была рассчитана на большее количество человек, все свежезачисленные Покинувшие уместились на четырех первых рядах, а всего наверх поднималось рядов десять или даже немного больше.

Когда мы расселись, дверь снова открылась, и в аудиторию вошли трое, как я предположила, местных преподавателей. Первой шла высокая статная женщина на вид лет шестидесяти. Какого цвета были ее волосы в молодости, оставалось только гадать, поскольку сейчас они все до единого стали седыми. Лежали они при этом в столь аккуратной и столь замысловатой прическе, что сразу становилось понятно: цвет волосам их обладательница не возвращает потому, что не хочет, а не потому, что махнула на себя рукой. Седина в определенной степени гармонировала с белоснежным цветом ее одежды. Одета она была почти так же, как и мужчина, с которым я столкнулась в коридоре, только брюки со стрелками заменяла длинная прямая юбка до самых щиколоток.

Хоть я и видела того мужчину всего несколько секунд, я ничуть не сомневалась, что одежды их почти идентичны, словно военная форма, ведь он стоял рядом с ней. Он меня тоже сразу узнал, снова ухмыльнулся и выразительно потер челюсть, которая пострадала после столкновения с моей головой. Так и думала, что по закону жанра он окажется моим будущим преподавателем.

Последним шел еще один мужчина, разительно отличавшийся от коллег цветом форменного костюма: у него он был черным. На вид я дала бы ему лет сорок, он совсем не походил на кинозвезду, но и седина пока не тронула его пепельно-серых волос. И лицо, и взгляд водянисто-серых глаз производили одинаково неприятное впечатление.

Все трое сели за преподавательский стол напротив нас, но никто не проронил ни слова. Судя по всему, они ждали кого-то еще.

Мы терпеливо ждали вместе с ними, никто не решался шептаться под изучающими взглядами троицы. Я так вообще начала заметно нервничать, поскольку красавчик-брюнет то и дело нагло улыбался мне и даже один раз подмигнул. Хильда это заметила и с интересом покосилась на меня.

Я почти успела снова залиться краской, когда дверь снова резко распахнулась и на пороге появился еще один мужчина.

— Доброго дня, студенты, — тут же поприветствовал он нас в противовес своим молчаливым коллегам. — Меня зовут Абрахам Ред, я ректор Орты, и от лица всего преподавательского состава нашего университета я рад приветствовать вас в его стенах. Традиция запрещает вам обращаться ко мне по имени, поэтому вам придется называть меня ректор Ред, как бы ни было вам сложно это произнести.

Он выпалил это, кажется, на одном дыхании за те несколько секунд, что шел от двери к столу преподавателей. Признаюсь, мое воображение до этого пыталось рисовать местного ректора то в виде профессора Дамблдора, то в виде горячего красавчика с родословной императора, на которого намекала Инга. Однако реальность оказалась даже забористее

книжных фантазий. Больше всего ректор Ред походил на стареющую рок-звезду из горячо любимого мной фильма «Реальная любовь». Он не носил ни белого, ни черного форменного костюма, отдавая предпочтение мятым брюкам песочно-желтого цвета, черной рубашке и кожаной жилетке светло-коричневого цвета. Широкой грудью, как незнакомец из коридора, он похвастаться не мог, но три верхние пуговицы его рубашки были игриво расстегнуты. Скорее всего для демонстрации многочисленных амулетов, висевших на разных цепочках и шнурках. Пальцы ректора украшали кольца и перстни.

— Ну что, как вам у нас? Красиво, правда? Вы уже успели подружиться с будущими преподавателями? — он кивнул в сторону молчаливой троицы. — Впрочем, не отвечайте, уверен, эти снобы с вами даже не поздоровались и не представились.

— Мы ждали вас, ректор Ред, — с едва заметной улыбкой заметила женщина.

— Что ж, тогда я вас всех представлю. Профессор Ирида Карр, профессор Вильям Нот, профессор Ян Норман. Эти трое уважаемых господ присутствуют на нашей встрече по той простой причине, что каждый из вас должен выбрать одного из них. В выданных вам материалах есть перечень предметов, которые вы будете изучать в стенах Орты. В основном это предметы, которые дадут вам представление о магическом сообществе, от которого вы были отлучены все эти годы, некоторые азы магии и полезные в быту дисциплины. Однако по старой традиции каждый из вас должен выбрать один из предметов, относящихся к сложным магическим специальностям. Поэтому вам сейчас коротко расскажут о каждой из них, чтобы вам проще было сделать свой выбор. Профессор Карр, начнете?

Он изобразил глубокий поклон и сел за стол, когда профессор Карр встала и вышла вперед.

— Мой предмет называется Снадобья, — тихим вкрадчивым голосом начала рассказывать она, переводя взгляд с одного студента на другого. Мне под ее взглядом стало как-то неудобно. — На нем вы получите обширные теоретические знания, а также практические навыки приготовления снадобий. В программу курса входят как безопасные рецепты, вроде лечебных и косметических, так и смертоносные яды и противоядия против них. Многие интересуются, включает ли программа обучения приворотные и отворотные снадобья, — она скупно улыбнулась. — Включают. Хочу предупредить: курс сложный. Он требует точности, собранности, усидчивости, а иногда и креативности. Редкие люди умеют сочетать в себе все эти качества. Но если вы решитесь выбрать его, то можете не сомневаться, что я проведу вас через все сложности. Вы не станете большим специалистом, но получите отличную базу, которой хватит, чтобы продолжить обучение по специальности, если вы решите вернуться в магический мир.

После этих слов она вернулась на место и посмотрела на Вильяма Нота, красавчика-кинозвезду. Тот даже вставать не стал. Просто одарил нас лучезарной улыбкой и заявил:

— Я буду краток. Мой предмет — Боевая магия. И этим все сказано. Я научу вас надирать задницы. Предупреждаю, у меня ограничение на курсе: больше двадцати человек не беру, а желающих обычно больше. Уж точно больше, чем у профессора Нормана.

Он повернулся к коллеге, и его лучезарная улыбка превратилась в высокомерную усмешку. Мне стало противно, но на профессора Нормана этот выпад не произвел впечатления. Он спокойно уточнил, закончил ли предыдущий оратор, после чего встал и, как и профессор Карр, вышел из-за стола, чтобы подойти к нам ближе.

— Профессор Нот прав, — спокойно сказал он, сцепив руки за спиной. Он стоял так прямо, что мне непроизвольно захотелось тоже расправить плечи. Взгляд его был обращен

куда-то вверх, на ряды пустых столов. — Мой предмет — Темные ритуалы и заклятия. Это самый бесполезный выбор, который вы сможете сделать. Темная магия — вещь сложная, опасная и неблагодарная. К тому же она запрещена по обе стороны Занавеси. Поверьте, легионеры найдут вас везде, если вы будете ею злоупотреблять. Поэтому изучение это носит исключительно теоретический характер, небольшая практика дана только для того, чтобы вы на собственной шкуре могли прочувствовать разрушающую сущность темной магии.

Под конец его и без того достаточно тихий, но неожиданно приятный голос стал едва различим. Не знаю, какой из профессора Нормана преподаватель, но рекламщик он так себе. По крайней мере, после такого выступления у меня не появилось желания записаться на его курс. Сомневаюсь, что оно появилось хоть у кого-нибудь.

После этого собрание длилось еще около получаса. Нам рассказали о правилах проживания в общежитиях Орты, о том, когда и как допускается покидать университет, если мы хотим вернуться в обычный мир, о расписании занятий и возможностях для самостоятельной подготовки. Профессор Карр, кроме прочего, оказалась еще и нашим куратором. Меня подмывало спросить, когда же мы пойдем выбирать себе волшебные палочки, но я побоялась, что юмора никто не оценит. А по правде родители не говорили ни о каких волшебных палочках.

В этом была еще одна причина моих сомнений и внутреннего напряжения: я совершенно не чувствовала в себе какой-либо магической силы. В моей жизни никогда не происходило ничего странного, что сейчас я могла бы списать на неконтролируемый выброс магии. Поэтому я до сих пор чувствовала себя самозванкой, которую вот-вот разоблачат. Мне не нравилось это чувство.

В конце собрания нам напомнили, что завтра мы должны будем подать в учебную часть заявления о том, какую магическую специальность хотим изучать. Профессор Нот еще раз озвучил ограничение на своем курсе. На этот раз я заметила, как профессор Норман раздраженно закатил глаза. На этом все закончилось.

Когда мы выходили из аудитории, меня догнал профессор Нот и попросил задержаться. Моя новая подруга одарила меня многозначительным взглядом, но я сделала вид, что не поняла его.

— Я так понимаю, ты разобралась с этой штукой, — Нот кивнул на амулет на моей груди.

— Да, прошу прощения за мое поведение в коридоре, — выдавила я. Мне не хотелось с первых же дней иметь конфликт с кем-то из преподавателей.

— Ничего страшного, это было даже забавно. Надеюсь увидеть тебя на моем курсе. Я даже готов приберечь для тебя местечко. Обычно ко мне ломится восемьдесят процентов новичков. Мальчикам нравится боевая магия, девочкам — я, — он снова самодовольно улыбнулся, излучая уверенность в себе и в собственной неотразимости.

— Я еще не решила, — соврала я, поскольку очень быстро определила единственный возможный для меня вариант. На Боевую магию я решила не идти: не люблю заносчивых засранцев. Темные ритуалы и заклятия выглядели бесполезно, поэтому оставались только Снадобья. Выбор не велик. — Надирать задницы — не совсем то, к чему я стремлюсь в жизни.

— Очень жаль. Все еще надеюсь, что ты передумаешь, — мои слова его ничуть не огорчили.

Я пообещала подумать и ускорила шаг, чтобы догнать Хильду. Пока я торопливо шла по

коридору, мне словно жгло спину чьим-то тяжелым взглядом, но, когда я на мгновение оглянулась, в мою сторону никто не смотрел.

— Уже определилась, куда пойдешь? — поинтересовалась Хильда по пути в общежитие, куда нам велели заселиться.

— Думаю, Снадобья, — я пожала плечами.

— Неужели? — удивилась Хильда и многозначительно улыбнулась. — Я уж подумала, что ты тоже будешь моей конкуренткой за место на Боевой магии.

— С чего вдруг?

— Мне показалось, что ты дружна с профессором Нотом.

— Ничего подобного, — фыркнула я, чувствуя, что опять краснею. Сколько ж можно уже? — Просто я столкнулась с ним в коридоре, пока искала учебную часть. Как ты знаешь, я совсем забыла про этот амулет-переводчик, поэтому мы не смогли понять друг друга. А ты, значит, будешь пробиваться на Боевую магию?

— Да, — уверенно кивнула Хильда. — Я мечтаю вернуться за Занавесь и стать легионером. Так что после спецкурса планирую пойти на первый курс Академии Легиона. Если смогу туда поступить, конечно. Есть и запасной вариант: остаться в Орте и пройти базовую четырехлетнюю подготовку здесь, тогда шансы попасть в Академию возрастают.

Я удивленно посмотрела на нее, только сейчас понимая, что Хильда моложе меня. Наверное, она отправилась на спецкурс в Орту сразу после школы.

— А кто такие эти легионеры? Их уже упоминал Норман, но я не поняла. Это типа местной полиции?

— Ну да, — Хильда недоверчиво на меня покосилась. — А ты не в курсе?

— Родители никогда не говорили про этот мир до тех пор, пока не припекло меня сюда отправить, — вздохнула я, понимая, что у меня будет еще немало проблем в связи с этим.

— Понятно. Нет, мои покинули магический мир не по своей воле, поэтому говорили о нем много и с удовольствием. В том числе рассказывали про легионеров. Папа был одним из них. Это что-то среднее между полицией и армией. Правда, долго он не прослужил. Там случилась какая-то политическая заваруха, в которую он по молодости влез. Организаторов посадили в какую-то местную тюрьму, а участников вроде него — выслали на двадцать пять лет. Срок истекает как раз через пять лет, так что они тоже планируют вернуться. А я хочу пойти по папиным стопам, так сказать.

Я скептически оглядела ее хрупкое телосложение. На мой взгляд, в армию и полицию должны идти более крепкие девушки. С другой стороны, это же магический мир. Возможно, грубая сила и выносливость для службы в армии или полиции тут не требуются.

— Что ж, если у тебя получится, постарайся не лезть в политические заварухи, — посоветовала я ей, толкая очередную дверь.

И тут же забыла, о чем мы говорили, поскольку мы оказались в просторном внутреннем дворе, похожем на небольшой парк: здесь росли высокие деревья, зеленел газон, аккуратные клумбы пестрели разнообразными цветами. Небо над нами было чистым и прозрачным, но не голубым, как в обычном мире. Оно имело зеленоватый оттенок. Это выглядело непривычно, но красиво.

— Ух ты... — ахнула рядом Хильда. Кажется, к этому она тоже оказалась не готова.

Мы пересекли внутренний двор, чтобы попасть в соседнее здание. По пути я задержалась у одной клумбы. Сначала я сама не поняла, почему затормозила, но потом мой

взгляд упал на цветы, внешне похожие на ландыши-переростки. Они источали едва уловимый запах ванили, и это внезапно пробудило во мне смутное воспоминание из детства.

Когда я была совсем маленькой, мама тяжело заболела. Это почти стерлось из моей памяти, но сейчас я вспомнила, как она несколько дней лежала в постели, бледная и неподвижная. А потом папа принес ей эти цветы и через день она пошла на поправку. Таких цветов я с тех пор не видела, но меня это не особо волновало: в пять лет есть заботы и поважнее. И вот теперь я вспомнила их. Значит, они из этого мира. Значит, папа в него возвращался. За цветами? Или за лекарством для мамы? Или он периодически в нем бывает? Но после того, как родители рассказали мне правду, они оба утверждали, что не были в магическом мире с того дня, как покинули его. Почему?

— Эй, не зависай, — окликнула меня Хильда, вырывая из воспоминаний. — А то все лучшие комнаты займут.

Я поспешила за ней, решив разобраться с этим позже, когда снова увижусь с родителями.

К коменданту общежития мы все равно попали последними. Поскольку подошли мы вместе, нас и поселили вместе, что меня вполне устраивало. Хильду, очевидно, тоже. Нам досталась комната в самом конце северного крыла на втором этаже. В южном селили юношей, а по середине на каждом этаже было что-то вроде общей комнаты с диванчиками, креслами, столами и крошечным кухонным уголком.

В целом общежитие произвело на меня благоприятное впечатление. Здесь было довольно тихо, чисто и уютно. В своем мире я не жила в студенческом общежитии, но пару раз бывала там в гостях. Оба раза место произвело на меня угнетающее впечатление. Здесь же все походило на скромный европейский отель на три звезды. Даже ванная комната имела в каждой комнате, что заставило меня с облегчением выдохнуть.

Сама комната оказалась довольно просторной и поделенной ровно пополам с зеркально расставленной мебелью: односпальная кровать, письменный стол, полки для книг на стене над столом, узкий платяной шкаф. Над каждой кроватью по окну. Освещалось помещение такими же шарами, какие я уже видела в холле и в остальных местах. Только они были немного поменьше. Весь пол закрывало ковровое покрытие с пушистым ворсом, что меня очень обрадовало. Оно позволяло ходить по комнате босиком, а я не любила носить тапочки. В ванной комнате обнаружилась только душевая кабина, но это меня не смутило: ванну я принимала крайне редко.

— А здесь мило, — заметила Хильда.

— Очень даже, — согласилась я, наконец находя взглядом свой чемодан, который внезапно обнаружился между столом и кроватью с левой от входа стороны. Сумка Хильды стояла в том же месте справа. — Похоже, стороны они выбрали за нас. Но мы можем поменяться, если хочешь.

— Вообще не принципиально, — отмахнулась Хильда и пошла разбирать вещи.

Я последовала ее примеру. Разложить и развесить вещи в шкафу не составило труда, письменные принадлежности легко разместились в столе, а вот с ноутбуком возникла проблема. Розетки я нигде не нашла. Хильда какое-то время с любопытством наблюдала за мной, а потом спросила:

— Ты разве не знаешь, что тут нет электричества?

— Как нет? — я озадачено посмотрела на нее.

— Магия, — коротко пояснила Хильда, пожав плечами.

— А интернет?

— Его тоже нет, — она выразительно посмотрела на меня. — Другой мир, все такое. Сотовая связь, если что, тут тоже не работает — нет покрытия сети.

Я едва не застонала, плюхнувшись на кровать. Вот это я попала. И как же я буду приходить на свидания по скайпу?

— Придется делать вид, что на неделе я очень занята, — пробормотала я под сочувственным взглядом новой подруги.

— Обещала кому-то писать каждый день?

— Обещала свидания по скайпу по вечерам. Своему парню.

— Да, это засада. Мне с моим пришлось расстаться. Сказать правду я не могла, а он никак не понимал, почему я не хочу после школы пойти с ним в один колледж. Да и какая разница? Если я собираюсь вернуться в магический мир, то с ним все равно ничего не выйдет, — она грустно улыбнулась. — Обычные люди не могут жить в этом мире. Это, кстати, одна из причин, почему маги, отправившиеся за Занавесь из любопытства, потом покидают этот мир навсегда. Встречают кого-то из обычных людей, любовь-морковь и все такое. И тут уже без вариантов, где вместе жить.

— Сурово.

— Вынужденно. В магическом мире все завязано на магию, обычный человек в нем самостоятельно не сможет даже выйти из дома. Это здесь, в Орте, своего рода буферная зона, немного магии, немного земных технологий. Для нас — тех, кто еще ничего не умеет.

— Понятно, — кивнула я. — Веселый будет год.

Если бы я только знала тогда, насколько «веселым» он окажется.

Занятия начались у нас четвертого сентября, в понедельник. Меня удивило, что традиции магического и немагического мира в плане учебного года настолько совпадают, но Хильда, как всегда, просветила меня:

— Это только для спецкурса, чтобы нам было легче адаптироваться и вписаться в учебные программы обычного мира. У самих магов, насколько мне известно, учебный год совпадает с обычным. Но обычный начинается весной, первого марта. Летних каникул, как у нас, нет вообще. Год поделен на три равных триместра и после каждой сессии — равные по длительности каникулы, по три недели. Но на спецкурсе два семестра и две сессии. Зато зимние каникулы очень большие: целый месяц. И начало второго семестра у нас совпадает с началом традиционного тут учебного года.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась я. Почему-то мне ничего из этого известно не было.

— Родители рассказали, — Хильда пожала плечами. — А тебе твои разве не рассказывали, как тут все устроено?

Я покачала головой, в который раз задаваясь вопросом, почему так. Папа с мамой все лето упорно твердили, что в Орте мне обо всем расскажут. Я по наивности считала, что расскажут преподаватели на каких-нибудь вводных лекциях или собраниях, вроде того, что было в день прибытия. Однако на нем ничего такого не упоминали. Видимо, эта информация считалась общеизвестной. Так почему родители не посвятили меня в такие простые технические детали? Мне, конечно, не пришло в голову спрашивать про учебный год, но они могли бы и сами это упомянуть.

Однако на первом же занятии я поняла, что это не единственная и далеко не самая серьезная промашка со стороны родителей.

В первый день в нашем расписании стояло всего две пары: Энергия магического потока и История магического мира. Вторая половина дня предполагалась для самостоятельной подготовки, что в начале года означало свободное время.

Энергию магического потока вел немолодой мужчина в уже знакомом ослепительно белом форменном костюме. Пожалуй, Орта была единственным известным мне учебным заведением, в котором существовала форма для преподавателей и отсутствовали какие-либо требования к одежде учеников.

— Меня зовут Коррет Дангл. Сегодня у нас первое занятие, и начнем мы с базовой фокусировки магического потока.

Преподаватель взмахнул рукой и на доске появилась надпись, состоявшая на первый взгляд из незнакомых мне символов. Однако к собственному удивлению я смогла ее прочитать: это была только что озвученная тема лекции. Очевидно, так выглядел местный язык, а мой амулет-переводчик помог мне понять его.

— Итак, вы все обладаете магией. Это часть вашей природы, как кровь, мышцы, нервы. Однако использовать магию — не так-то просто. Магия часть вашего тела, она живет в вас, но чтобы сотворить заклятие или провести ритуал, необходимо направить ваш внутренний магический поток вовне. Обычный начинающий маг не в состоянии сделать это самостоятельно. Именно поэтому мы никогда не опасаемся, что выросшие за Занавесью... то есть, с вашей стороны Занавеси дети магов случайно раскроют себя перед обычными

людьми. Спонтанные выбросы магии теоретически возможны, но практически маги, в которых поток энергии был бы таким сильным и выплескивался через край, давно не рождаются. На начальном этапе вам всем понадобятся базовые фокусирующие артефакты. Другими словами, к тем амулетам, что уже висят на вашей шее и помогают понимать то, что я говорю, добавится еще один. Их изготавливают из разных материалов: металлов, полудрагоценных или драгоценных камней. Они бывают разной формы и размера, но, как правило, достаточно малы. Большинство носит их как подвески. В редких случаях используются кольца или перстни. Каждому подходит что-то свое. Поэтому сегодня каждый из вас расскажет о своем базовом фокусирующем артефакте, а в конце занятия мы все попробуем сотворить простенькое заклятие на пробу.

Вокруг все зашевелились, доставая из сумок разные подвески, а на меня накатила волна паники, знакомая каждому ученику, который вернулся с летних каникул, не выполнив домашнее задание. Более того, который и не подозревал, что это задание существовало. Я судорожно пыталась вспомнить, давали ли мне родители еще какие-то амулеты, о которых я забыла, но ничего не приходило в голову. Мама вручила мне амулет-переводчик перед самым выходом и больше ничего.

Хильда достала из сумки изумительную подвеску с желтым топазом, обрамленным серебром. Как я успела заметить, у многих девушек вокруг меня фокусирующие артефакты выглядели как обычные украшения. Видимо, их делали с прицелом на то, чтобы носить в обычном мире, не привлекая внимание. У парня слева от меня фокусирующий артефакт вообще оказался в виде нательного крестика.

— А где твой? — шепотом спросила Хильда, с любопытством поглядывая на меня.

— Ты не поверишь, — еле слышно выдохнула я.

Она пару секунд смотрела на меня с недоумением, а потом в ее глазах появилось понимание, и они удивленно округлились.

— Ты хочешь сказать, что родители не дали тебе базовый артефакт?

— Они даже не упоминали его, — процедила я, чувствуя, как краска уже начинает заливать лицо. Сердце забилось чаще в предчувствии грядущего унижения.

Как они могли?

— Но как? — Хильда словно прочитала мои мысли. — Ты же не сможешь колдовать без него. Какой смысл в спецкурсе, если ты не можешь выполнять практические задания?

Меня этот вопрос тоже крайне интересовал. Пока все, кого профессор Дангл спрашивал, спокойно показывали различные кулоны, медальоны, подвески и псевдорелигиозные символы, рассказывая о том, из чего они состоят и почему их выбрали для них.

— Мой артефакт отлит из простого железа, — как раз говорил один из парней, имени которого я пока не знала. — Но зато он выполнен в форме Печати Дагона, которая сама по себе обладает охранными свойствами. К тому же, — добавил он, сооротив забавную рожицу, — очень круто смотрится на парне в кожаной куртке и с татуировками на руках, — он продемонстрировал всем разрисованный бицепс.

По аудитории прокатился смешок. Даже профессор Дангл сдержанно улыбнулся.

— Что ж, спасибо. Теперь вы.

Девушка, к которой он обратился, продемонстрировала артефакт из лунного камня, поскольку именно этот камень подходил ей по дате рождения. Он тоже выполнял функцию оберега, как и у многих. А вот артефакт Хильды был выбран с целью усилить именно боевые заклятия, о чем она радостно и сообщила, когда пришла ее очередь.

— Очень интересно, — профессор Дангл заметно удивился. — А почему родители выбрали именно такой артефакт?

— Потому что я планирую после спецкурса пойти в Академию Легиона.

— О, так вы собираетесь вернуться в магический мир? — преподаватель тут же расплылся в довольной улыбке, и я сразу поняла, что он только что выбрал себе любимчика на нашем курсе. — Похвально. А вы?

Я не сразу поняла, что он уже обращается ко мне, а когда поняла, испуганно втянула голову в плечи.

— Что я?

— Какой у вас базовый фокусирующий артефакт? — его взгляд шарил по столу передо мной, не находя ничего подходящего.

— Эм... У меня его нет, — еле слышно призналась я. — Наверное, родители забыли мне его отдать.

Брови преподавателя взметнулись вверх, и он даже присел на краешек своего стола, как будто боялся, что не устоит от такой новости.

— Необычно, — пробормотал он. — Первый раз такое в моей практике. Вы уверены, что они ничего вам не дали?

— Вполне. Я бы заметила. — Мне хотелось провалиться сквозь землю от его взгляда. — Они дали мне только амулет-переводчик.

— Что ж, и на том спасибо, — хмыкнул профессор Дангл. — А есть еще кто-то, у кого нет базового фокусирующего артефакта? — он обвел вопросительным взглядом аудиторию. — Больше нет таких?

Сначала никто не признавался, все только переглядывались, а потом вдруг с задней парты раздался мужской голос:

— У меня нет.

Я оглянулась вместе с остальными. Имени этого парня я тоже пока не знала, но его самого помнила: он тогда стоял под дверью учебной части перед Хильдой. Слава богу, хоть не я одна такая.

— Что ж, это еще более необычно, — пробормотал профессор Дангл. — Я рекомендую вам обоим в ближайшие выходные потребовать эти амулеты у своих родителей, иначе вы просто не сможете учиться. А пока будете наблюдать.

И он обратился к следующему студенту, а я облегченно выдохнула, когда внимание аудитории сфокусировалось на следующем артефакте. Похоже, в выходные моих родителей ждет очень серьезный разговор.

После первого занятия мое настроение ушло в глубокий минус. Я не могла припомнить, когда последний раз мне приходилось переживать подобное унижение. Пока остальные с помощью преподавателя активировали свои артефакты, а потом пробовали простое заклятие, я мысленно сочиняла речь, которую выскажу родителям, как только снова окажусь дома. К сожалению, впереди меня ждали еще четыре учебных дня, прежде чем я смогу сделать это.

К счастью, История едва ли предполагала какие-либо магические эксперименты, и можно было надеяться, что на этот день мои неприятности закончились.

Профессор Грокс — маленький пухлый очкарик — мне понравился. В нем чувствовались энтузиазм и любовь к предмету.

— Первое занятие у спецкурса я всегда посвящаю истории основания Орты, — тоном профессионального рассказчика, знающего, как удержать интерес публики, начал он. — Однако, чтобы понять историю основания Орты, вам нужно узнать несколько фактов о Первой Республике. В прошлом в магическом мире существовало несколько государств, в основном имевших монархический строй. Пять веков назад королева одного из трех крупнейших королевств — прекрасная Рона Риддик — загорелась идеей объединить все земли в единое целое. Того требовали многие причины. Леди Рона заручилась поддержкой властителей двух других крупных королевств — Гордона Геллерта и Норда Сорроу. Как именно ей удалось убедить двух амбициозных мужчин отказаться от полной власти на своей территории, никто точно не знает. Леди Рона была особенной женщиной.

Профессор Грокс замолчал и мечтательно улыбнулся, словно женщина, о которой он рассказывал, была его юношеской любовью, а не исторической личностью. Потом он опомнился и продолжил:

— Первая Магическая федеративная республика образовалась в следующие два года, в нее вошли восемьдесят процентов существовавших тогда независимых государств. Возглавил ее, как ни странно, Норд Сорроу. Он стал первым канцлером.

Судя по тону преподавателя, Норд Сорроу не вызывал у него такого восторга и трепета, как Рона Риддик. Говоря о нем, он помрачнел и поджал губы.

— Норд Сорроу был властным, жестким... даже жестоким человеком. В отличие от леди Роны и лорда Гордона, он пользовался темной стороной магии. Тогда это еще не было запрещено, но маги всегда знали, как это опасно. Впрочем, я отвлекся!

Профессор вышел из-за стола и пошел по проходу между столами, заставляя нас оборачиваться.

— Орта появилась именно во времена Первой Республики как совместный проект леди Роны и лорда Гордона. До этого в магическом мире было принято обучать детей дома. Единственная школа, которая принимала на обучение с пятнадцати лет, называлась Лекс. Она находилась в Рейвене — королевстве Норда Сорроу. Учиться там могли только представители знати. Леди Рона понимала, что только образование, доступное всем, способно вывести Магическую Республику на новый уровень. Лорд Гордон разделял это мнение...

— А это их портреты висят в главном холле? — перебила одна из девушек. С ней я успела накануне познакомиться: ее звали Жюли, в мире людей она жила во Франции.

— Совершенно верно, — профессор Грокс с энтузиазмом закивал, даже не обратив внимания на то, что его перебили. — Орта была самой передовой и самой демократичной магической школой. Даже в сравнении с теми, которые открывались позже. Еще несколько столетий до четырнадцати-пятнадцати лет дети магов обучались в основном дома, а после этого возраста могли пойти в школу, где их образование углубляли. Примерно сто пятьдесят лет назад система образования изменилась. Теперь мы обучаем детей с девяти лет в школах, а после школ — в университетах и академиях. Несколько самых древних школ стали первыми университетами, в том числе Орта и Лекс. Маги имеют право выбирать, где учиться, исходя из желаемого профиля и финансовых возможностей семьи. Однако Покинувшие всегда прикреплены к одному университету, в зависимости от части света, в которой живут. Орта подключена порталами к Европейской части вашего мира. У Азии свой университет, у Африки и двух Америк — свой. Это сделано для экономии энергии порталов, но об этом вам подробнее расскажут на курсе Энергия магического потока.

— А что такого случилось с первой республикой, что вам пришлось создать вторую? — поинтересовался все тот же долговязый парень, у которого, как и у меня, не оказалось фокусирующего артефакта.

Профессор Грокс печально вздохнул, как будто падение Первой Республики причиняло ему боль.

— Когда подошел срок первых перевыборов, Норд Сорроу отказался покидать свой пост. Леди Рона и лорд Гордон пытались на него воздействовать, но Норд Сорроу был очень сильным магом, поэтому их шансы принудить его силой практически равнялись нулю. Никто не знает, чем это могло закончиться. Возможно, настоящей войной. Однако в один прекрасный день Норд Сорроу исчез. Никто не знает, куда он делся. Одни предполагают, что его уничтожила темная сторона магии, с которой он в определенный момент не смог совладать. Другие считают, что он мог стать жертвой заговора в собственном окружении. Третьи фантазируют о том, что он стал одним из первых Покинувших и ушел за Занавесь. Я бы сказал, что первая версия наиболее вероятна, поскольку причин внезапно скрываться за Занавесью у него не было. И едва ли в его окружении мог найтись достаточно сильный маг, способный его убить.

— Может, это Риддик с Гордоном его прикончили? — предположил все тот же парень. — Убили и в саду закопали, а всем сказали, что он исчез, чтобы проблем не возникло.

Несколько человек рассмеялись, я тоже улыбнулась. А вот профессор Грокс изобразил на лице священный ужас.

— Если бы вы, молодой человек, лучше знали историю нашего мира и биографии лорда Гордона и леди Роны, вам бы и в голову такое не пришло! — оскорбленно заявил он.

Как и следовало ожидать, после этого нам в качестве домашнего задания велели написать подробную биографию любого из основателей Орты. Я сделала себе пометку в блокноте, а потом все же решила уточнить:

— Так почему Первая Республика развалилась? Если Сорроу исчез с горизонта, проблема с перевыборами должна была решиться.

— А она и не развалилась, — удивил меня профессор Грокс. — Она просто перестала быть республикой. В государстве начались волнения. Доверие к выборной системе и так было очень низким, а из-за этого и вовсе сошло на нет. Однако авторитет леди Роны и лорда Гордона был настолько велик, что большинство жителей хотели видеть во главе государства кого-то из них. В тот момент лорд Гордон сделал леди Роне предложение руки и сердца. Они поженились, и сразу после этого их короновали. Первая Республика стала Объединенным Королевством.

После этого профессор Грокс переключился исключительно на рассказ об Орте, о том, как менялась школа и постепенно превратилась в университет. Уже минут через двадцать этого рассказа я вспомнила, почему не люблю Историю.

После лекции мы с Хильдой отправились сначала в столовую, а оттуда — во внутренний двор, чтобы съесть обед за одним из столиков на улице, пользуясь пока еще по-летнему теплым днем.

После обеда мы решили сразу заскочить в библиотеку, чтобы взять необходимые учебники. Там мы столкнулись с парнем, у которого, как и у меня, не оказалось фокусирующего артефакта. Его звали Андреем, и он прибыл в Орту из Екатеринбурга, что

моментально сблизило нас еще больше: по местным меркам мы оказались почти земляками. Он как раз получил набор из пяти довольно внушительных по размеру книг.

— Сказали, что на следующей неделе надо будет прийти за добавкой, — сообщил он нам с улыбкой, пока мы ждали своих комплектов. — Тогда выдадут учебники по специализации.

— Интересно, почему их выдают отдельно? — задалась вопросом я.

У Хильды, как всегда, нашелся на него ответ:

— Потому что до следующей недели мы еще можем сменить выбранную специализацию. После первого занятия и до второго мы должны окончательно определиться.

— Как удачно, что мы встретились у дверей учебной части, — я улыбнулась новой подруге. — Полезно дружить с тем, кто все знает.

— Вообще-то я это тоже знал, — заметил Андрей. — Родители говорили.

Я удивилась.

— А как так получилось, что об этом они тебе сказали, а фокусирующим артефактом не снабдили?

Он изобразил на лице смущение и протянул:

— Вообще-то он у меня есть. Просто ты выглядела такой смущенной, что мне захотелось тебе помочь. Чтобы ты не была единственной, кого предки так подставили.

Я не знала, разозлиться мне или умилиться. Такая внезапная поддержка от незнакомого парня выглядела очень трогательно, но это означало, что я все-таки оказалась единственной студенткой спецкурса, которую родители так подставили.

— Только извини, завтра я его «найду», — он изобразил пальцами кавычки, — и отнесу профессору Данглу на активацию. Ты мне симпатична, но я не хочу отстать в обучении на целую неделю. Без обид.

— Да какие уж тут обиды? — я махнула рукой. — Спасибо, что поддержал.

— Да не за что.

Библиотекарь наконец вручил нам с Хильдой по стопке книг на ближайший семестр. Мы за них расписались и все вместе отправились обратно, к общежитию, делаясь впечатлениями от первого учебного дня.

Не дойдя даже до первого поворота, мы столкнулись в коридоре с другими студентами. Судя по тому, что лица их были мне совершенно незнакомы, они учились не на спецкурсе. Поначалу я даже не придавала их появлению значения. Однако, когда они проходили мимо, один из парней специально зацепил плечом Андрея. Причем с такой силой, что тот выронил стопку учебников из рук.

— Эй, аккуратнее нельзя?

— Ой, кто это у нас тут? — противным насмешливым и сюсюкающим тоном поинтересовался парень, который его задел. — Марек, смотри, это же спецы, — обратился он к другому парню — высокому и довольно привлекательному, если не считать заносчивой ухмылки на губах, которая портила все впечатление.

Мы с Хильдой переглянулись.

— Если это подразумевалось, как уничижительное прозвище, — заметила Хильда, — то вам стоит поработать над формулировкой. Потому что слово «спецы» не звучит обидно.

Я же внутренне сжалась. Только этого мне не хватало для полного счастья: местного аналога дедовщины. Я умудрилась отучиться десять лет в школе и четыре года на бакалавриате, избежав подобных конфликтов. Видела, как порой травили других, но меня

саму это ни разу не коснулось. Я умела ладить с людьми или оставаться незаметной для них, поэтому опыта подобных противостояний не имела. Со стороны это всегда выглядело настолько страшно, что я ни разу не нашла в себе силы вмешаться и вступить за того, кого обижали.

— О, а ты у нас смелая, — все тот же парень мерзко хихикнул, подошел к Хильде и одним точным движением выбил из ее рук учебники.

— А ну отстань от нее, — Андрей толкнул его в плечо.

Я видела, как у Хильды сжались кулаки. Она стиснула зубы, стараясь сдержаться и не способствовать развитию конфликта. Зато его были не прочь развить наши оппоненты. Еще один парень присоединился к первому, и теперь они оба наступали на Андрея, размышляя на тему того, справится ли «этот хлюпик» с ними. Андрей, кстати, был действительно высок и худощав, к тому же носил очки в тонкой оправе, поэтому не производил впечатления крепыша. И судя по тому, как он попятился под натиском этих двоих, таковым себя и не чувствовал. Правда, они тоже пока ничего не делали, только угрожали на словах.

— Слушайте, чего вы к нам привязались? — выдавила я, чувствуя, что нужно хотя бы словесно вступить за Андрея. Прозвучало это жалко: мой голос дрожал от испуга и волнения. — Мы же вам ничего не сделали. Давайте каждый пойдет своей дорогой.

Парень, который до сих пор оставался в стороне с двумя симпатичными спутницами и которого один из приятелей назвал Марек, посмотрел на меня. Впервые за все время.

— У кого это тут прорезался голос? — обманчиво ласково промурлыкал он, окидывая меня неприятным взглядом. От одного такого взгляда можно было почувствовать себя «облапанной». — Деточка, тебе разве кто-то разрешал говорить?

Он шагнул на меня, и я инстинктивно попятилась назад. Далеко не ушла: прямо за моей спиной оказалась стена. А Марек подходил все ближе, пока не оказался почти вплотную. Одной рукой он уперся в стену, а другой коснулся моих губ.

— Такой славный ротик, — тихо, но отчетливо произнес он, — дается женщине не для того, чтобы болтать, а совсем для других вещей. Научить?

Я почувствовала, как меня захлестнуло горячей удушливой волной страха, гнева и стыда. Мне были отвратительны его прикосновения и намеки, но я так растерялась, что не могла пошевелиться, даже вдохнуть.

Не знаю, чем бы закончилось дело, если бы рядом не раздался тихий, но властный голос:

— Марек Кролл, отчего у меня такое чувство, будто вы должны быть совершенно в другом месте?

Марек моментально отпрянул, и все мы обернулись на голос. По коридору, сцепив руки за спиной, к нам приближался профессор Норман. Губы на его неприятном лице кривились в едва заметной усмешке, а глаза не обещали ничего хорошего.

Незнакомые студенты отступили назад, собираясь в кучку. Девушки перестали улыбаться и виновато потупили взгляд. Только Марек остался стоять на месте, не демонстрируя раскаяния.

— Стоит ли мне напомнить вам, господин Кролл, правила Орты? — вкрадчиво поинтересовался профессор Норман, делая еще несколько шагов вперед и оказываясь рядом с нами.

— Нет, профессор, — без доли смущения или испуга ответил Марек.

— Тогда почему вы все до сих пор тут стоите? Ждете, когда я назначу вам взыскание?

Только теперь Марек отошел к своим растерявшим энтузиазм приятелям, но пожелал оставить последнее слово за собой:

— Вы бы поостереглись, профессор. Не забывайте, кто мой отец.

— Вы мне угрожаете? — на лице Нормана появились искреннее удивление и насмешка. — Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Я сомневаюсь, что ваш отец поддержит вас в подобной ситуации. Это мое последнее предупреждение всей вашей компании: еще раз увижу, что кто-то из вас пристает к студентам спецкурса, назначу розыскания всем пятерым, независимо от того, кто будет присутствовать на месте. Ясно?

— Вполне, — кивнул Кролл, недобро сощурившись. — Доброго дня, профессор Норман.

— Прочь с глаз моих.

Только когда студенты скрылись из виду, я смогла выдохнуть, но меня до сих пор трясло.

— Вы в порядке? — поинтересовался у меня профессор Норман.

— Да, спасибо.

Он бросил быстрый взгляд на моих друзей, которые поднимали с пола учебники, а потом снова посмотрел на меня более внимательно. И вот парадокс: его взгляд не заставлял меня чувствовать себя «облапанной».

— Как вас зовут?

— Таня. Татьяна Ларина.

По его губам снова скользнула усмешка.

— Итак, она звалась Татьяной... — выдохнул он, продолжая меня разглядывать.

Вот так номер! Я уж надеялась, что хотя бы в этом мире больше никогда не услышу эту цитату. Профессор Норман тем временем продолжил:

— Госпожа Ларина, имейте в виду: если еще кто-то из студентов поведет себя по отношению к вам неподобающим образом, вы всегда можете пожаловаться своему куратору. Действия, подобные тем, что позволял себе господин Кролл, в Орте считаются оскорблением и заслуживают наказания.

— Буду иметь в виду, — кивнула я. — А кто его отец?

Профессор Норман скривился.

— Канцлер.

— Ох ты ж, — пробормотала Хильда, которая уже закончила собирать учебники и подошла к нам вместе с Андреем.

— Да. Поэтому мало кто жалуется. Все боятся проблем.

— А вы не боитесь? — зачем-то спросила я. Единственное мое оправдание в том, что я все еще пребывала в легком шоке.

Брови Нормана взметнулись вверх, демонстрируя крайнее удивление.

— Я все-таки преподаватель.

— Да, конечно, — я смутилась, опустила взгляд в пол и замолчала, чтобы не сморозить еще какую-нибудь глупость.

— Что ж, — прервал Норман повисшее молчание. — Хорошего вам всем дня.

Сказав это, он продолжил свой путь в библиотеку, а мы поторопились в общежитие.

В следующие два дня лучше не стало. Каждое занятие преподаватели выясняли, что у меня нет фокусирующего артефакта. Каждый раз очень удивлялись и все как один рекомендовали мне в ближайшие выходные, когда нам будет позволено покинуть стены Орты, напомнить родителям о том, что без него я не смогу учиться. Как будто я не поняла этого с первого раза! Я как заведенная повторяла, что обязательно это сделаю, краснея под насмешливыми взглядами однокурсников, ловила извиняющийся взгляд Андрея и ободряюще улыбалась ему.

К проблеме отсутствия артефакта добавилось еще и то, что я внезапно оказалась самой отстающей студенткой. Все остальные так или иначе сталкивались с магией дома. Многих родители перед обучением здесь подготовили в теории. Поэтому все схватывали материал быстро, а преподаватели и рады были не оглядываться на отстающих. То есть на меня.

Я всегда была отличницей, сколько себя помнила. Причем, я никогда особо не напрягалась для этого. Просто меня хорошо подготовили перед школой, а потом я уже сама начала получать кайф от хороших оценок. Благодаря отличной памяти и умению быстро соображать, мне все давалось легко. Только вовремя прочитать параграф в учебнике, один раз послушать объяснение решения, запомнить формулу, понять принцип... Учителя и в школе, и потом в институте говорили, что у меня большое будущее. Я и сама в это верила. Меня ставили в пример, назначали старостой даже не помню с какого класса. Всегда первая.

И вот внезапно я стала последней. Самым унижительным было то, что все остальные пошли на спецкурс сразу после школ, их родители не стали тянуть до максимально возможного возраста.

В пятницу утром нас ждало первое занятие по выбранной специальности. Мне отчаянно хотелось его прогулять. Хотя куратор наверняка уже знала об отсутствии у меня базового фокусирующего артефакта, мне не хотелось снова сидеть в сторонке, пока остальные практикуются. К тому же Хильда, как и собиралась, пошла на Боевую магию, а с ней туда умудрился попасть и Андрей. В группе по снадобьям я никого толком не успела узнать. Однако прогульщицей я никогда не была. Даже странно, но я действительно никогда не прогуливала ни уроков, ни лекций. Даже на физкультуру ходила исправно, иногда — одна. Вот и сегодня у меня не хватило духу не пойти на занятия.

Аудитория снадобий больше походила на химическую лабораторию. Никаких котлов и чадящих горелок. Все очень стерильно и, как обычно, разочаровывающе обыденно. Пробирки, емкости, весы, коробочки с ингредиентами, ножи и деревянные ложки. Однажды мы с мамой ходили на кулинарный мастер-класс. Там к нашему приходу подготовили примерно такое же рабочее место: все, что может пригодиться.

Мои волнения оказались напрасны. Для приготовления первого снадобья магия нам не требовалась, а это значило, что я могла работать наравне со всеми. Обрадованная этим фактом, оставшуюся часть вступительного слова профессора Карр я, признаюсь честно, слушала вполуха. Там шли обычные предупреждения по технике безопасности и обещания фантастического результата, сотворенного собственными руками. Я немного оживилась к теории, когда Карр принялась расписывать нам на доске рецепт. Снадобье называлось «Танцующий человечек».

— Это снадобье может пригодиться вам на приветственном вечере в субботу, — с

улыбкой добавила она.

Приветственный вечер — некий местный аналог посвящения в студенты, про который я совсем забыла, переживая из-за учебы. Судя по названию и анонсу, снадобье то ли помогало танцевать, то ли заставляло это делать.

Мои мысли переключились на предстоящий праздник. Вечеринки я любила. Они никогда не мешали мне быть отличницей, ведь для хороших оценок ничего зубрить мне не приходилось. Поэтому и свободного времени у меня всегда хватало. Пойти на вечеринку в субботу было бы очень здорово после всей этой адовой недели. Если бы не мои планы устроить родителям истерику как можно скорее. Устраивать истерику после вечеринки будет очень странно.

«Ладно, ограничусь напоминанием про артефакт и возмущенным молчанием по этому поводу, — думала я. — Поистерить смогу и позже». Интуиция подсказывала, что после того, как у меня появится артефакт, моя жизнь в Орте легче не станет.

Не знаю, что произошло дальше. Мы перешли к приготовлению снадобья, рецепт был очень простым, все ингредиенты — перед носом. Я спокойно следовала рецепту, хоть и думала о другом. Я достаточно хорошо умею готовить, поэтому никаких сложностей возникнуть не должно было. Однако после добавления очередного ингредиента вязкая жидкость в моей «кастрюльке» вдруг опасно зашипела и начала пениться. Я замерла, а когда оно начало пузыриться и подниматься, испуганно присела под стол.

— Ларина!..

Не знаю, что хотела сказать профессор Карр: небольшой локальный взрыв, сопровождавшийся противным «плюх», прервал ее. После этого все стихло, а я осторожно вылезла из-под стола. О чем тут же пожалела.

Профессор Карр была облита моим «снадобьем» с ног до головы, несколько соседних столов и студентов тоже пострадали. Впрочем, никаких серьезных жертв и разрушений я не заметила.

— Ларина, какого демона вы творите? — обычно сдержанная и приветливая преподавательница сорвалась на крик. — Как вы умудрились испортить элементарное снадобье, с которым справляются даже дети в школе? Вы потеряли глаза, мозги и руки где-то по пути в этот класс? Мало того, что всю неделю вы без дела просидели абсолютно на всех занятиях, вы решили закончить ее форменным вредительством? Если вы не хотите тут учиться, вы можете просто собрать вещи, уведомить учебную часть и уйти, не надо добиваться отчисления!

Она кричала на меня, а я чувствовала, как становлюсь пунцовой и слезы начинают щипать глаза. Так стыдно мне еще никогда не было. Все смотрели на меня, перешептывались, показывали пальцами и смеялись. Те, на кого попало снадобье, еще и недовольно фыркали, намекая на то, что кому-то придется заплатить за чистку, а то и новую одежду.

У меня перехватило горло от унижения и обиды. Я ведь ничего такого не сделала! Я все сделала правильно, точно по рецепту из предложенных ингредиентов. Ну, может быть отмеряла не с точностью до грамма да время засекала не до секунды, но это же мелочи! Едва ли дети умудрялись отслеживать их.

Я очень старалась не расплакаться, но слезы сами потекли по щекам. Только это и остановило поток негодования. Профессор Карр недовольно поджала губы и процедила:

— Вон отсюда. И подумайте хорошенько, хотите ли вы здесь учиться. В том числе и на моем предмете.

Не говоря ни слова, я схватила сумку и выбежала в коридор. Там я дала волю и слезам, и рыданиям, благо коридоры Орты большую часть времени были довольно пустынными, даже между занятиями.

Меня разрывали противоречивые чувства. Отличница, жившая во мне долгие годы, рвалась все исправить и всем доказать, что я могу лучше. Обиженная девочка требовала сейчас же забрать вещи, отправиться домой и больше никогда не переступать порог Орты. Ни о каком празднике я, конечно, уже не думала.

Немного успокоившись и вытерев слезы, я поняла, что отличница на мгновение победила обиженную девочку. Во мне поднялось жгучее желание сделать так, чтобы профессору Карр стало неловко за свои слова. Правда, вернуться к снадобьям я бы точно не смогла, а идти на поклон к Ноту, который наверняка уже сформировал группу, смысла я не видела. Поэтому я решительным шагом отправилась к аудитории, в которой обитал профессор Норман. Для этого пришлось свериться с весьма удобным путеводителем, который нам выдали. Он был похож на обычную свернутую в несколько раз карту, только сразу показывал место, в котором находишься. А если приложить к нему руку и подумать о человеке или номере аудитории, то он показывал, как добраться к цели. Как многочисленные картографические сервисы в интернете, только в масштабах одного здания.

Решимость не покидала меня до самой аудитории, но эта пятница была решительно не моим днем. Стоило мне постучать в дверь и распахнуть ее, как я услышала испуганное восклицание профессора:

— Какого демона?

И в ту же секунду увидела, что какая-то студентка, стоявшая напротив двери и «державшая» подрагивающий темный шар, неловко дернула рукой. Шар вырвался из ее хватки и полетел в меня. Я не успела даже ойкнуть, как мир вокруг потемнел.

Такой несчастной я не чувствовала себя лет с восьми, когда мне запретили заводить домашних животных. Ощущение полного бессилия, непонимания со стороны окружающих и безысходного одиночества не накрывало меня так даже во время переходного возраста. А сейчас к страданиям морального характера добавились еще и физические.

Все тело ныло и чесалось, но чесать его запрещалось: отвратительные язвы, покрывшие кожу, тут же начинали кровоточить. Поэтому мне как ребенку забинтовали руки чем-то настолько мягким, что почесаться я не смогла бы при всем желании.

Меня определили в лазарет Орты. Оказалось, что здесь есть и такое. Видимо, студенты достаточно часто калечили друг друга во время занятий. Как я узнала, когда пришла в себя, я попала под темное проклятие. Оно случайно сорвалось с рук студентки третьего курса из-за того, что я бесцеремонно ввалилась в аудиторию в процессе его формирования. Сообщили мне об этом почти таким же свирепым ором, с каким перед этим выгнала с занятий профессор Карр. Только на этот раз свирепствовал профессор Норман. Я точно так же позорно разрыдалась, потому что ко всем переживаниям этого дня на тот момент мне было еще и больно. Плачущих студенток профессор Норман не выносил даже больше, чем профессор Карр. По крайней мере, он заткнулся на полуслове, развернулся и пулей вылетел из лазарета, оставив меня на попечение медсестры. Которая, кстати, тоже не сказала мне ни одного доброго слова.

Такая несправедливость убивала меня. Я же не знала, что в то время, когда у остальных студентов спецкурса в расписании стояла специализация, профессор Темных ритуалов и

заклятий занимался с третьим курсом. Если бы знала, не стала бы так врываться. Наверное. Но почему-то никто не хотел посочувствовать мне. Разве что Хильда и Андрей, заглянувшие навестить меня вечером, пытались изобразить симпатию. Получилось это только у Хильды. Андрей так старательно отводил взгляд от уродующих меня язв, что это сводило на нет все его усилия.

Есть я не могла. Меня мутило с момента попадания под заклятие, а единственная попытка пересилить себя закончилась тем, что все проглоченное через пять минут было извергнуто моим желудком обратно. Больше я не пыталась. Медсестра «любезно» объяснила мне, что проклятие, под которое я попала, призвано быстро извести человека.

— И как вы будете меня лечить?

Она пожала плечами.

— Я не лечу темные проклятия. Возможно, профессор Норман или ректор Ред что-то смогут сделать.

В общем, медицина в магическом мире производила примерно такое же впечатление, как и в нашем. Никто не спешил мне на помощь, поэтому я подозревала, что вскоре умру. Не к утру, так к вечеру. Не к вечеру, так к понедельнику точно. Вода лезла в меня только по паре глотков раз в два-три часа. И спать я тоже не могла, как я поняла примерно во втором часу ночи. Зато реветь я могла вдоволь: ведь меня оставили совершенно одну.

До тех пор, пока не хлопнула дверь и я не услышала уверенно приближающиеся ко мне шаги.

— Госпожа Ларина? Надеюсь, вы не спите?

Я только сильнее натянула на себя одеяло. Получить очередной нагоняй от Нормана мне совершенно не хотелось.

— Если и дальше будете игнорировать мое присутствие, я уйду, а после дополнительных часов под проклятием ваше восстановление займет гораздо больше времени.

Я повернулась к нему лицом. Да-да, зареванным, покрытым зудящими и кровоточащими язвами лицом. Он даже бровью не повел. Стоял надо мной в своей все так же наглухо застегнутой черной преподавательской форме, сцепив руки за спиной. Интересно все-таки, этот высокий твердый воротник не натирает ему кожу?

— Чего вы от меня хотите? — мой голос прозвучал еле слышно. В горле очень сильно пересохло.

— В настоящий момент я хочу, чтобы вы сели и дали мне руку.

Я не стала спорить. Села на постели и вытянула руку вперед, как будто предлагая ему взять кровь из вены. Если он ее найдет.

— Прекрасно.

Он сел на кровать рядом со мной, одной рукой осторожно зафиксировал мое запястье, а второй надел на него браслет из какого-то легкого металла. Когда щелкнула застежка, я почувствовала, как прохладная поверхность браслета приятно успокаивает зудящую кожу под ним. Профессор Норман несколько секунд не шевелился, так и сидел, обхватив руками мое запястье, и что-то едва слышно бормотал, прикрыв глаза. Я молча наблюдала.

— Вот и все, — резюмировал он меньше, чем через минуту, убирая руки. — Носите, пока не почернеет. Как только это произойдет, он сам расстегнется. Отдадите его мне, я уничтожу.

Я посмотрела на тонкую узкую полоску стального оттенка без единого признака застежки.

— Что это? — неуверенно поинтересовалась я, внутренне ожидая, что меня сейчас снова сочтут идиоткой. И возможно, наорут.

— Абсорбент. Он будет впитывать в себя проклятие из вашего тела, пока не поглотит его полностью, — неожиданно спокойно объяснил Норман. Если он и счел меня идиоткой, то вида не подал. — Самые тяжелые симптомы снимутся к утру. Я имею в виду язвы и тошноту. Но еще несколько месяцев проклятие может прятаться более глубоко. В это время возможны периодические недомогания, быстрая утомляемость и плохой аппетит, но, если будете следить за режимом, это не будет слишком сильно вас терзать. Мне удалось сделать браслет достаточно быстро. Чем дольше проклятию ничего не противостоит, тем сложнее его потом вывести.

— Вот как, — обескураженно пробормотала я. Значит, наорав на меня, он все же отправился заниматься моей проблемой, а не своими делами. — Спасибо.

— Пожалуйста. — Он встал, собираясь уходить. — Постарайтесь уснуть. Во сне браслет работает лучше.

— Хорошо. А он будет работать... ну, в моем мире?

Норман удивленно приподнял бровь.

— Он будет работать хоть на луне, но вам лучше эти выходные провести в постели, а не возвращаться домой. Повидаетесь с родителями на следующей неделе.

Похоже, о моей проблеме с фокусирующим артефактом он не знал.

— Я не хочу повидаться, — возразила я, не глядя на него. Вместо этого я рассматривала на глазах уменьшающиеся и подсыхающие язвы. — Я собираюсь покинуть Орту. Вообще. Нечего мне здесь делать.

— О, вот как? — Он вдруг снова сел на мою кровать и с интересом уставился на меня. — А я отчего-то подумал, что вы собрались перейти со Снадобий на мой предмет. И поэтому так уверенно ворвались в мою аудиторию.

— Да, в тот момент план был таким. Но потом я попала под заклятие. На меня опять все наорали. Я снова почувствовала себя круглой дурой, только теперь еще поняла, насколько опасно быть круглой дурой в таком месте. Я просто вижу, что мне не стоит тратить время. Я ничего не знаю о магическом мире. Ничего здесь не понимаю. И никому нет дела до того, что мне нужна помощь. Я не знаю, почему родители скрывали от меня все это до самого последнего момента, почему не подготовили меня. И мне все равно. Пусть платят штраф, а я уж как-нибудь в обычном мире перебьюсь. Без магии, но зато с электричеством и интернетом. Мне там привычнее. И там у меня есть план. Там я уже чего-то добила, а тут я снова пустое место.

Не знаю, с чего меня вдруг прорвало. Профессор Норман не был похож на местного психолога, призванного помочь с адаптацией студенток-неудачниц. И на роль подружки он не тянул. Так уж сложилось, наверное: я начала отходить от проклятия, вокруг ночь и тишина, день выдался отвратительный, а он сам задал вопрос, вот и получил ответ сполна.

— Стало быть, во всех ваших несчастьях здесь виноваты неправильные родители, а дополнительную возможность в жизни вы без колебаний готовы отместить только потому, что ради нее придется немного напрячься? А напрягаться вы не хотите, хотите только не быть пустым местом.

— Вы все переворачиваете с ног на голову!

Чего и следовало ожидать. Нечего было с ним откровенничать.

— Да нет, все так и есть. Вы действительно пустое место в мире магов. Вы в этом не

виноваты, ваши родители сделали выбор за вас. Причем дважды: сначала, когда покинули магический мир, а потом, когда решили вам о нем не рассказывать. Магический мир не знал вас, вы не знали о нем, но вы такая же его часть, как он — часть вас. Да, чтобы найти здесь свое место придется потрудиться. Возможно, даже не очень сильно. Пока вы не приложили ни малейшего усилия, чтобы сделать это. Сразу начали огорчаться, жалеть себя и искать виноватых. Если с таким же настроением вы собираетесь реализовывать ваш план в своем мире, вас постигнет неудача. Запомните мои слова.

Я недоверчиво нахмурилась, разрываясь между желанием потребовать оставить меня в покое и испугом. Мне не хотелось потерпеть неудачу в своем мире тоже. Испуг победил.

— Почему?

— Потому что вам постоянно придется искать свое место и доказывать, что вы ему подходите, — спокойно пояснил Норман. — И при первой же неудаче вы заскулите и попытаетесь сбежать снова. Правда, бежать будет уже некуда.

Его слова задели меня. Я сердито скрестила руки на груди и посмотрела на него исподлобья.

— И что же, я должна тратить год здесь, просто чтобы научиться находить свое место?

— Если вы так ставите вопрос, то нет, конечно, не должны. Возвращайтесь домой. — Он снова встал, демонстрируя намерение уйти, но все же задержался у моей постели. — Не нужно делать Орте одолжение. Магический мир зовет вас сюда не потому, что вы ему нужны. А потому что он вам нужен. Но если вы чувствуете иначе — уходите. Уходите, но потом не плачьте по чуду, которое так и не случилось в вашей жизни. Ведь вы сами отказались от него.

Он повернулся и уже сделал шаг прочь, но я испытала непреодолимое желание его удержать. Мне нужно было закончить этот разговор и разобраться во всем.

— Профессор, постойте!

Он остановился и вопросительно посмотрел на меня. Я почему-то смутилась.

— Объясните, что вы имели в виду.

— Только то, что если вы не пройдете обучение в Орте, вы никогда не сможете раскрыть свой магический потенциал, а он у вас, как у всех рожденных еще в магическом мире, очень велик.

— Вы что-то пугаете. Я родилась уже в Москве. В нормальном мире. У меня так в свидетельстве о рождении записано!

Он рассмеялся и покачал головой.

— В свидетельстве у нее написано... Вы и правда совсем ничего не понимаете. У всех Покинувших есть необходимые документы, даже у ваших родителей. Но поверьте взрослому умному магу, я чувствую такие вещи. Я только что зачаровывал для вас браслет, а это проблематично сделать, не оценив общий потенциал, ведь проклятие цепляется на ваш магический поток и питается от него. Вы родились в магическом мире, а потом уже вместе с родителями покинули его.

— Да нет же, папа сказал, что я родилась уже позже...

— Я не знаю, почему он так сказал, — профессор Норман пожал плечами. — Но это не может быть правдой.

Я не знала, что ответить. Сама по себе такая неточность в отцовских словах не была чем-то выдающимся. Но на фоне того, что от меня всю жизнь скрывали магический мир и ничего не хотели о нем рассказывать даже после того, как мне пришлось о нем узнать, это

настораживало.

Я так погрузилась в собственные мысли, что почти забыла о том, что не одна. Профессор Норман, так и не дождавшись какой-либо реакции, снова подошел ближе к моей кровати и заговорил сам:

— Госпожа Ларина, поверьте, я понимаю, что вы чувствуете. Я тоже когда-то был вырван из привычного окружения и вынужден учиться жить в новом мире. Никто не жаждал мне помочь. И я тоже был слишком горд и слишком глуп, чтобы обратиться за помощью. Не повторяйте мои ошибки. Просите помощи, когда чувствуете, что вам она нужна. И не принимайте поспешных решений, торопясь захлопнуть для себя дверь, которая только приоткрылась. Возможно, за дверью вы найдете ответы на вопросы, которые пока не можете даже сформулировать.

Я снова удивленно посмотрела на него. Интересно, с чего он вообще решил устроить эту душевительную беседу? Неужели только потому, что когда-то сам был в моем положении?

— А вы тоже из Покинувших?

— Ни в коем случае, — презрительно фыркнул он, давая понять, как на самом деле относится к этому явлению. — Я, напротив, никогда не бывал по ту сторону Занавеси. У меня все было иначе.

— Вы никогда не были в... обычном мире? — я, честно говоря, удивилась. — Вы же цитировали «Евгения Онегина».

— Вы можете процитировать что-нибудь из Шекспира?

Я пожала плечами.

— Ее глаза на звезды не похожи, нельзя уста кораллами назвать...

— Вы были когда-нибудь в Англии?

— Нет.

— Вот видите, — он улыбнулся. — Цитировать Шекспира вам это не мешает. Спокойной ночи, госпожа Ларина.

Он снова повернулся и пошел к выходу. На этот раз я не стала его останавливать.

— Ты выглядишь гораздо лучше, — бодро заявила Хильда, плюхнувшись на край кровати. Внимательно осмотрев мое лицо, она добавила: — От язв и следа не осталось.

— Я и чувствую себя лучше, — ради подруги я постаралась изобразить улыбку.

Отчасти это было правдой: мне действительно удалось уснуть после ухода Нормана, а к утру тело перестало чесаться, зудеть и болеть. Даже тошнота прошла, и я смогла немного позавтракать. Однако в целом я все еще чувствовала себя довольно скверно. За пару часов, прошедших с момента моего пробуждения, я устала так, что даже говорить было тяжело.

Большую часть этого времени я лежала, глядя преимущественно в потолок или по сторонам и прокручивая в голове разные мысли. О том, что накануне сказал мне Норман, о том, что до этого подумала я сама. Я вспоминала прошедшую неделю и свою жизнь вне Орты. Думала о чуде, которое могло случиться в моей жизни, если я останусь, и о том, что с ней станет, если я вернусь. И, честно говоря, на текущий момент счет шел не в пользу Орты.

— Но ты все еще выглядишь бледной, — огорченно добавила Хильда. — Как поступишь: доберешься до дома и будешь на выходных отлеживаться там или останешься здесь? Я знаю, что тебе нужен фокусирующий артефакт, но мы можем попросить Андрея заскочить к твоим родителям и напомнить о нем. Он сказал, что всегда мечтал побывать в Москве, а домой так быстро он все равно не собирался.

— Это очень мило с его стороны, — вежливо ответила я, почувствовав внезапный прилив нежности к новым друзьям, которые заботились обо мне, хотя почти меня не знали. Секунду спустя это чувство сменилось уколом вины и стыда. — Только я все же отправлюсь домой... И, возможно, не вернусь.

Мне не хватило духу смотреть Хильде в глаза, когда я признавалась в своих намерениях, но в повисшей тишине я все же бросила на нее быстрый взгляд. На ее лице читались огорчение и понимание.

— Не знаю, как я сама поступила бы на твоем месте, — тихо сказала она. — Возможно, приняла бы такое же решение. Но мне очень жаль. Может быть, ты еще передумаешь? Побудешь дома недельку, оклемаешься и вернешься?

В ее голосе слышалось столько надежды, что уверенное «нет» умерло где-то внутри меня, не добравшись до губ. Я пожала плечами и отвела взгляд в сторону.

— Все может быть. Возможно, я действительно просто слишком слаба сейчас, чтобы думать о новом заходе.

Наш разговор прервало появление доктора и медсестры. Хильда отошла в сторонку, пока они осматривали меня. Наибольшее внимание пожилого доктора привлек браслет на моем запястье. Он положил на него руку, ненадолго прикрыл глаза, а потом удовлетворенно кивнул.

— Потрясающе. Это работа профессора Нормана?

— Да. Он принес браслет ночью.

— Вот до сих пор удивляюсь, как темные маги умудряются делать подобные вещи, — повернувшись к медсестре, сказал доктор.

Та пожала плечами.

— Так ведь и началось все с темного проклятия. Тут, должно быть, как раз эксперт в темной магии и нужен.

— Не скажите, — доктор покачал головой и снова посмотрел на меня. — Одно дело наложить темное проклятие, для этого как раз и нужна темная сторона. А вот чтобы его снять, нужно хорошо знать темную сторону, но при этом использовать очень много светлой магии. Я бы сказал, что профессор Норман выложил на сто десять процентов. Вам стоит поблагодарить его.

— Я поблагодарила, — заверила я, снова чувствуя угрызения совести. Норман так постарался для меня, а я собиралась пренебречь его советом. — Но я могу сделать это еще раз. Если вы меня выпишите, конечно.

— Не вижу причин вас здесь держать, — доктор улыбнулся. — Все равно мы, как медики, уже ничего не можем для вас сделать.

Как будто они до этого что-то сделали!

— Дальше вас будет лечить браслет. Как только он полностью впитает в себя проклятие, он почернеет и раскроется. Настоятельно рекомендую после этого отдать его профессору Норману, а не бросать, где попало. Он будет знать, что с ним сделать.

Я кивнула, задумавшись о том, как я отдам браслет Норману, если покину Орту. В конце концов я решила, что всегда могу принести его в здание в Фурманном переулке и попросить вахтершу передать его.

— Что ж, тогда вы можете идти.

Доктор поднялся со своего места. Я откинула одеяло, забыв, что лежу в больничной сорочке.

— А где моя одежда?

Медсестра в который раз равнодушно пожала плечами.

— Я ее сожгла. Она ведь тоже была поражена проклятием. В таких случаях положено одежду уничтожать. Та же участь постигла вашу сумку и все ее содержимое.

Мне захотелось вцепиться ей в волосы. Мои любимые джинсы! И джемпер тот я очень любила. Я уже не говорю про сумку: с собой у меня была всего одна. Я судорожно пыталась вспомнить, какие милые сердцу мелочи могли в ней лежать. Как минимум с ней погиб один учебник: по магическому домоводству, которое стояло у нас после занятия по специальности. Кажется, придется разбираться с библиотекой. Я мысленно застонала. Только этого мне сейчас не хватало.

— Я могу сбежать в нашу комнату и принести тебе что-нибудь, — предложила Хильда, неверно истолковав выражение моего лица.

— Я сейчас дам вам халат, — отмахнулась медсестра. — Так дойдете.

Судя по улыбке доктора, на моем лице отразилось все, что я подумала по этому поводу. Он вежливо попрощался и пожелал мне всего самого наилучшего.

Получив от медсестры халат, я решительно напялила его и тапочки, которые прилагались к ночной сорочке, и взяла Хильду под руку. Когда мы вышли из лазарета, я постаралась напустить на себя независимый вид, хотя мне было неловко идти по учебному зданию и через внутренний двор в ночной рубашке и халате. По общежитию ходили еще и не так. Оставалось надеяться, что в честь субботы народу по пути нам встретится мало.

Однако надежде этой не суждено было сбыться. Наш путь пролегал через главный холл, в котором находились порталы, и в этом холле толпился весь наш спецкурс. Прежде чем я успела задаться вопросом, почему все топчутся здесь вместо того, чтобы отправиться домой, я заметила и несколько студентов основного курса, которые с любопытством наблюдали за моими однокурсниками со стороны.

— А что происходит? — спросила я у Хильды. Она ведь всегда все знала.

Но не в этот раз.

— Без понятия, — она тоже с недоумением оглянулась по сторонам.

В этот момент к нам подошел Андрей. Он был не на шутку взволнован, но не испуган. Это радовало.

— Порталы не работают, — сообщил он. — Ни один. Никто не может вернуться в наш мир. Накрылись домашние выходные. Хорошо, что я никуда и не собирался.

Я оторопело посмотрела на него. Как это — порталы не работают? Как же я выберусь отсюда?

Волнение в холле нарастало и голоса, обсуждающие происшествие, становились все громче. По большой мраморной лестнице спустился ректор Ред. За ним следовали профессора Карр и Нот, а навстречу им из северного коридора уже шли профессора Дангл и Норман. Последний скользнул по мне безразличным взглядом, даже на секунду не задержавшись, как будто не заметил или не узнал. Зато профессор Нот улыбнулся и ободряюще подмигнул мне.

После короткого и очень тихого «педсовета», ректор повысил голос, обращаясь к студентам. Посторонние голоса и обсуждения моментально смолкли.

— Господа студенты, прошу соблюдать спокойствие. Произошло что-то невнятное, но мы уже разбираемся в ситуации и скоро, я уверен, разберемся. На данный момент с уверенностью можно сказать только одно: порталы, соединяющие нас с миром людей, не работают. Поэтому прошу вас всех разойтись по комнатам, а через час собраться в большой лекционной аудитории. Это на третьем этаже в южном крыле. Не промахнетесь: на дверях висит огромная уродливая табличка с названием. Повторяю, волноваться не о чем. По крайней мере, пока. Так что спокойно расходитесь. Через час мы расскажем вам все подробности, какими бы неудобными они ни были. Даю вам слово. А мое слово, скажу я вам, не фунт изюма.

За тот час, который ректор взял себе, чтобы разобраться в ситуации, я в сопровождении Хильды успела добраться до комнаты, потом принять душ и переодеться. Поначалу мне казалось, что этот простой набор действий оставит меня без сил, но после двадцати минут, проведенных под упругими струями воды, мне стало заметно лучше. Как будто вместе с водой из рассекателя на меня изливалась чистая энергия.

Спокойно ждать в нашей комнате я не могла, поэтому в большую лекционную аудиторию мы отправились задолго до назначенного срока. И не прогадали: еще за четверть часа до начала собрания по-настоящему огромная аудитория, которая вполне могла вместить в себя всех студентов университета вместе с их родителями, уже была частично заполнена. На первых трех рядах свободных мест мы не нашли, поэтому сели на четвертый. Народ продолжал прибывать.

Преподаватели опоздали еще на четверть часа, поэтому, когда они появились, я уже едва могла усидеть на месте от волнения. Мне совершенно не улыбалось застрять в Орте на несколько дней. Я боялась и того, что передумаю покинуть университет, и того, что новая неделя без фокусирующего артефакта окончательно уничтожит мою самооценку.

Ректор Ред выглядел изумленным и слегка взбудораженным, но не озабоченным, что вселило в меня надежду. Однако следовавшие за ним профессора Нот и Дангл так хмурились, что надежда эта тут же начала конвульсивно дергаться в предсмертных судорогах. Замыкал

процессию профессор Норман, который оставался совершенно спокоен и даже как-то отстранен. Словно проблема с порталами его не волновала ни капельки. Наверное, так оно и было: если он никогда не переходил на другую сторону Занавеси, то состояние порталов, туда отправляющих, едва ли могло его трогать.

Ректор дал знак всем успокоиться и замолчать. Когда в аудитории воцарилась полная тишина, он сообщил:

— Господа студенты, у нас для вас несколько новостей, как хороших, так и плохих. Первая хорошая новость состоит в том, что мы выяснили причину, по которой не работают порталы. Вместе с ней идет плохая новость: исправить это мы не можем, поэтому в ближайшее время порталы не включатся.

В аудитории моментально поднялся шум: студентам срочно требовалось обсудить услышанное. У меня же сердце оборвалось, а потом застучало где-то в горле. Я в ловушке и мне отсюда не выбраться!

Ректор дождался, пока волна приглушенных голосов стихнет и продолжил:

— Я считаю, что вы имеете право знать: кто-то отключил порталы сознательно. Злонамеренно, — он обвел аудиторию выразительным взглядом. — Хочу заметить, что это преступление. И пользуясь случаем, интересуюсь: никто из вас случайно не забирался в комнату управления магическими системами Орты и не похищал оттуда три Шара Аргора? Это такие светящиеся артефакты, круглые, размером с крупный апельсин. Нет? А то, знаете, именно они фокусируют магический поток так, чтобы работали порталы. Если вы скажете об этом сейчас, я клянусь, что не вызову легионеров и не расскажу им об этом. Все мы сочтем это просто шуткой.

В аудитории снова послышалось шуршание и шепотки, все оборачивались в надежде увидеть того, кто встанет и признается в преступлении. Однако никто не признался.

— Что ж, — ректор понимающе кивнул. — Я так и думал. Тогда еще одна новость: поскольку похищены все три Шара Аргора, выведены из строя все порталы Орты. Да, и те, что соединяют ее со столицей нашего мира и другими крупными городами. Так что в стенах Орты заперт не только спецкурс, а мы все. Как вы знаете, на транспорте или пешком отсюда можно быстро добраться только до небольшой деревни, рядом с которой построена Орта. Так что в ближайшее время никто не сможет попасть домой.

Снова поднялся шум, на этот раз такой силы, что ректору пришлось надолго замолчать. Вот теперь студенты были по-настоящему взволнованы. Пока дело касалось только спецкурса, остальные испытывали скорее любопытство. Теперь же выяснилось, что они в такой же ловушке, как и мы. Ну, почти, поскольку в крайнем случае они могли добраться до дома пешком. Или на лошади. Или на чем тут у них передвигаются? Мы же оказались отрезаны от нашего мира полностью.

— Да замолчите вы уже! — не выдержал профессор Нот, когда шум не стих ни через две минуты, ни через пять. — Это еще не все!

— Спасибо, Вилл, — поблагодарил его ректор во вновь воцарившейся тишине. — Да, еще одно уточнение, которое в целом вам должно быть очевидно. Никто из столицы и других городов не сможет оперативно добраться до нас. Я вынужден сообщить легионерам о том, что произошло, но без портала они попадут сюда только через несколько дней. Отсутствие порталов также нарушает снабжение Орты продуктами питания, но не бойтесь! У нас хорошие запасы, а многое поставляется к нам из деревни. Вот со свежими фруктами и разными деликатесами теперь какое-то время будет проблема. Но с голоду мы не умрем.

Просто наше питание станет более простым и здоровым. Некоторым из нас это, возможно, даже пойдет на пользу.

По аудитории прокатился гул недовольства, но быстро смолк. Ректор и профессора не расходились, а это означало, что новости не закончились.

— И последнее. Приветственный вечер сегодня состоится, как и положено. Я предлагаю всем за оставшиеся часы подготовиться к нему, а потом как следует повеселиться. Ничего страшного не произошло. Мы будем искать свою пропажу и рано или поздно найдем Шары и восстановим работу порталов. В самых крайних и чрезвычайно важных случаях мы сможем открыть небольшой исходящий портал с помощью профессора Нормана, — ректор кивнул в сторону по-прежнему безразличного к происходящему преподавателя. — Однако, как вы понимаете, открыть этот портал он сможет только с помощью темной магии, за что потом нам всем придется объясняться с легионерами. Так что если речь не идет о жизни и смерти, прошу профессора Нормана не беспокоить. На этом все. Все свободны.

Студенты начали подниматься со своих мест, возбужденно обсуждая ситуацию уже в полный голос, поэтому в аудитории поднялся невообразимый шум. Я не обращала на него внимания, только старалась не потерять из вида профессора Нормана. В глубине души у меня затеплилась надежда, что я все-таки смогу убраться из Орты. В конце концов, для меня это в некотором роде и был вопрос жизни и смерти.

Я так резко подскочила с места и побежала к выходу, что Хильда едва успела окликнуть меня. Я не ответила, поскольку боялась упустить преподавателя. Он так размашисто зашагал прочь, словно боялся, что за ним сейчас кинутся все студенты, умоляя отправить их домой. К счастью, никому, кроме меня, такая идея в голову не пришла.

Я догнала его только в коридоре. И то только потому, что он наконец отреагировал на мои оклики и просьбы остановиться. Выглядел он при этом очень недоволено.

— Госпожа Ларина, я знаю, что вам нужно, — он не дал мне сказать ни слова, когда я его догнала. — И мой ответ: нет. Я не стану призывать темную сторону силы, чтобы открыть вам портал. Сбежать из Орты вы сможете и тогда, когда артефакты найдутся.

— Но, профессор Норман, мне очень надо попасть домой, — я решила зайти с другой стороны. — Может быть, это и не вопрос жизни и смерти, но это вопрос возможности моего дальнейшего обучения. Понимаете, у меня же нет базового фокусирующего артефакта. А без него я так и не смогу начать обучение.

Он окинул меня все тем же изучающим взглядом.

— Родители не дали вам артефакт, отправляя сюда? — спокойно уточнил он через несколько секунд молчания.

— Не дали.

— Что ж, очень странно с их стороны, — Норман пожал плечами, — но я все равно не могу вам помочь. Это недостаточная причина для открытия темного портала. Мне очень жаль.

Он повернулся и пошел прочь, а я едва удержалась, чтобы не застонать. Почему же все через... одно место? Как будто меня кто-то сглазил.

В гостиной на этаже, где размещались студенты спецкурса, царил непривычная тишина, хотя больше половины наших рассредоточились по диванчикам и креслам. Просто все в основном молчали.

Я тоже сидела в большом кресле, скрестив руки и ноги и наверняка надувшись как индюк, как всегда говорила моя мама. Я хотела домой. Я так отчаянно хотела домой, что даже предстоящий праздник меня не радовал.

— Эй, ну чего ты раскисла? — Андрей уместился в кресле рядом со мной и обнял за плечи. — Это же все-таки не тюрьма строгого режима. И если ты все равно не жаждешь окончить спецкурс, ты вполне можешь просто забить на занятия и валять дурака до тех пор, пока они не найдут эти шарики и не включают порталы обратно.

Я вздохнула и отвернулась. В том-то и состояла моя проблема, что я не могла этого сделать. Я себя поедом съем еще до конца первой пары в понедельник. Я могла бросить все только резко и сразу, покинув стены Орты и занявшись другими делами. Валять дурака неопределенное количество времени был не мой вариант.

— Андрей прав, — поддержала Хильда, накручивая на палец розовый локон. Она забралась на кресло с ногами и сидела, сложив их по-турецки. — Возможно, ты вообще зря греешься. Эти штуки могут найти хоть завтра. И ты все равно сможешь отправиться домой. А сегодня можно с чистой совестью повеселиться. Выглядишь ты уже вполне окрепшей для этого.

Я рассеяно погладила браслет на левом запястье. Тот уже начал менять цвет, но до полностью черного ему было еще далеко. Зато мое самочувствие улучшалось с каждым часом. Подумав об этом, я вспомнила, что хотела еще раз поблагодарить Нормана. И тут же решила, что он обойдется. Ведь с отправкой домой он мне не помог. В глубине души я понимала, что подобные мысли — чистой воды ребячество.

— А что ты планируешь надеть? — поинтересовался тем временем Андрей у Хильды.

Я настолько не ожидала от парня такой вопрос, что на время забыла о своей трагедии. Хильда же невозмутимо пожалала плечами.

— Знать бы, что туда принято надевать. Родители говорили, что в их времена приветственный вечер походил на мой выпускной бал в школе. То есть все наряжались в вечерние платья, делали сложные прически. Молодые люди надевали официальные костюмы. Но это было так давно. Все могло измениться.

— У меня в любом случае нет вечернего платья, — проворчала я. — Так что это без вариантов.

— Я не уверена, что у меня в принципе есть платье, — хмыкнула Хильда. — Не мой стиль.

— Платья давно не обязательны, — раздался над нашими головами незнакомый голос.

Зато его обладательницу мы уже в некотором смысле знали. Очень красивая, со смуглой кожей и длинными темно-каштановыми волосами, которые лежали аккуратными локонами, она сейчас выглядела не такой спесивой и заносчивой, как тогда в коридоре. За ее спиной стояли еще две девушки. Одна была с ней и в тот раз, а вот другую мы видели впервые. Обе как на подбор оказались ухоженными красавицами. Только одна была светлокожей блондинкой, а вторая — такой же рыжей, как и я. Интересно, они в одну компанию по цвету

волос собрались? Чтобы были все варианты. Нам с Хильдой тогда срочно нужна шатенка.

— Что вам нужно? — очень невежливо поинтересовалась Хильда, с подозрением косясь на тарелку печенья в руках девицы.

— Мы хотели извиниться, — та неловко пожала плечами. — Вот, это вам. В смысле, вам всем. — Поставив тарелку с печеньем на столик, она широким жестом обвела гостиную. — Нам очень стыдно за наше поведение тогда в коридоре. Не стоило поддерживать Кролла и остальных. Кстати, меня зовут Корда Чест. А это Анна, — она указала на рыжую, — и Кара.

— С чего это вдруг вы раскаялись? — Хильда смотрела на них с подозрением и недружелюбно.

— Нас пристыдили. Наш куратор. Сказал, вам и так сейчас несладко. Из-за порталов и того, что вы наверняка все чувствуете себя в западне. Так что мы хотели дать вам знать: мы не собираемся больше так себя вести. А это... примирительное подношение. У нас так принято.

— А кто ваш куратор? — поинтересовалась я. Корда выглядела вполне искренней. Да и тогда в коридоре на нас «наезжали» в основном парни, девушки лишь молчаливо их поддерживали. Так что лично я их уже простила. За шоколадное-то печенье.

— Профессор Норман, конечно, — она пожала плечами, как будто это само собой разумелось. — Он курирует нас с первого года.

— Что ж, можете передать ему, что мы ваши извинения приняли, — я потянулась за печеньем. Еще бы где-то раздобыть чашку кофе. Почему-то в столовой Орты его не предлагали. Только чай и какао.

Хильда недовольно нахмурилась, наблюдая за моими действиями, а потом тихо процедила:

— Говори за себя.

— А что ты там про платья говорила? — поинтересовался Андрей.

— Только то, что на эти вечера давно никто не ходит в вечерних платьях, — охотно поделилась Корда. — Времена уже не те. Я думаю, наша манера одеваться на вечеринки не так уж сильно отличается от той, что принята в вашем мире. Можно прийти практически в чем угодно. Конечно, не в спортивном костюме, — она закатила глаза. — Мы наряжаемся, но во что-то такое, в чем будет удобно танцевать и веселиться.

— Отлично, такое у меня наверняка найдется, — кивнула я, вопросительно посматривая на Хильду. Та по-прежнему излучала враждебность и недоверие.

— Круто. Тогда увидимся на празднике. Пока!

Все трое помахали нам ручкой. Настолько синхронно, что это выглядело неестественно. А потом удалились. Мы снова остались в тесном кругу студентов спецкурса. Многие из тех, кто сидел рядом и слышал наш разговор, с интересом поглядывали на печенья. Андрей тоже потянулся за одним.

— Я бы на вашем месте его не ела, — хмуро заметила Хильда.

— Почему? — удивилась я.

— Словосочетание «троянский конь» тебе ни о чем не говорит?

— Да брось, — отмахнулся Андрей, в один укус заглывая половину довольно большого печенья. — Они вкусные. И едва ли отравлены. У нас тут практически карантин, а потому убийцу слишком быстро поймают. Никто не решится.

— Ага, зато слабительное подмешать могли.

— Откуда столько недоверия? — я недоуменно смотрела на подругу. — По-моему они

выглядели вполне искренне.

— Как знаете, — Хильда оскорбленно дернула плечом.

А Андрей тем временем передал тарелку соседнему столику, предлагая всем угощаться. После чего вопросительно посмотрел на меня.

— А мне кажется, там было что-то бодрящее. Наша Несмеяна повеселела и мысленно уже прикидывает, что наденет на вечеринку.

Я закатила глаза почти так же виртуозно, как и Корда Чест. Но настроение после небольшой дозы шоколада в печенье действительно стало лучше. Я теперь была готова повеселиться вечером, а потом уже решать, что делать дальше. Хильда права: пропавшие артефакты могут найти очень оперативно, а у меня будет шикарная «отмазка», почему я учебу бросила, а на приветственный вечер сходила.

— Пожалуй, немного веселья мне действительно не повредит.

— Хоть что-то хорошее эти гарпии сделали, — фыркнула Хильда, пытаясь сдержать улыбку. — Но попомните мое слово: они сто процентов что-то задумали.

Процесс приведения себя любимой в порядок всегда оказывал на меня почти магическое действие. Каким бы отвратительным ни было настроение, какие бы ужасы и «трагедии» ни происходили в жизни, стоило начать примерять вещи и накладывать макияж, как мир вокруг менялся, наполняясь красками. С ним менялась и я. А в хорошей компании эффект усиливался многократно.

Когда от шоколадного печенья меня не начало тошнить или скручивать пополам, Хильда тоже оживилась. Похоже, она ничего не имела против того, чтобы ошибиться, если это означало, что все будут живы и здоровы. Эта девушка с каждым днем нравилась мне все больше и больше. Конечно, Ингу она заменить не могла, с той мы слишком долго дружили. Но я была действительно рада, что именно с ней мы столкнулись у дверей учебной части.

Хильда помогла мне уложить волосы, превратив буйные кудряшки в роскошные волны. Часть волос она подняла и сплела в тугую косу, чтобы они не лезли в лицо, а остальные оставила лежать свободно. Я помогла ей собрать два игривых высоких хвоста по бокам. Несколько разноцветных прядей мы вытащили, чтобы создать впечатление «художественного беспорядка».

Я предпочитала ходить на вечеринки в облегающих джинсах, а вот моя новая подруга выбрала очень короткую юбку. Обычно такие казались мне вульгарными, но Хильда была счастливой обладательницей самых идеальных ног на свете. Такие не грех продемонстрировать. Топ очень нежного розового цвета с рукавами «три четверти» тоже был довольно коротким и заканчивался чуть выше пупка, открывая плоский подтянутый живот без грамма лишнего жира. Мне оставалось только завидовать и мысленно обещать себе в будущем уделять больше внимания физкультуре. Я не страдала лишним весом, но такой идеальной подтянутой спортивной фигурой похвастаться не могла.

— У легионеров очень высокие требования к физической подготовке, — пояснила Хильда в ответ на мой комплимент. — А у меня телосложение от природы хрупкое. Приходится много тренироваться, чтобы на костях росли хоть какие-то мышцы. Жир в таких условиях просто не выживает.

Это многое объясняло. Я в силовые структуры никогда не метила и пресс качать ленилась, поэтому живот предпочитала не открывать. Зато руки — сколько угодно. Да и глубоким декольте никогда не пренебрегала. Поэтому мой топ был длинным, без рукавов и

со смелым вырезом.

Макияжем мы обе предпочли не злоупотреблять. Наш возраст позволял ограничиться блеском для губ и тушью для ресниц, но в честь праздника мы добавили на глаза тени.

В итоге на сборы у нас ушло около часа, и Андрей успел заскучать в общей гостиной. Хорошо парням: волосы расчесал, рубашку свежую надел — и готов.

— Вы обе потрясающе выглядите, — слегка покраснев, похвалил он, но я заметила, что смотрел он больше на Хильду, чем на меня.

Меня это не обижало. В конце концов, они были ровесниками, а я никогда не интересовалась мальчиками младше меня.

Мы взяли Андрея под руки с обеих сторон и вместе с еще одной небольшой компанией сокурсников отправились к бальному залу, где должен был проходить вечер. Судя по непринужденному смеху и легким разговорам, подготовка к вечеринке всем подняла настроение. Об отключившихся порталах никто и не вспоминал.

Наше хорошее настроение продлилось ровно до того момента, как мы прошли через большие, украшенные золотом двери в просторный бальный зал. Сразу стало понятно, что Хильда все же не ошиблась: «примирительный» жест Корды Чест оказался уловкой.

Нет, строго говоря, они действительно не были одеты в вечерние платья. Такие, кажется, называют коктейльными. Однако сложные прически и вечерний макияж присутствовали. Да и в целом мы выглядели как компания девчонок и парней с окраины, случайно оказавшихся вместо дискотеки на светском рауте. Нас тут же одарили насмешливыми взглядами, а некоторые принялись перешептываться. Достаточно громко, чтобы я слышала обрывок фразы про «этих варваров из-за Занавеси».

Несколько наших однокурсников уже смущенно жались у стеночки, почти забившись в самый темный угол зала. Мы инстинктивно поторопились присоединиться к ним. Чем больше компания, тем менее страшно позориться. Правда, у меня щеки уже все равно загорелись, я физически ощущала, как становлюсь пунцовой. Мне всегда казалось ужасным оказаться на мероприятии или одетой недостаточно хорошо, или слишком хорошо. В таких случаях всегда чувствуешь себя неловко, потому что большинство пялится на тебя так, словно у тебя выросла вторая голова.

[Купить полную версию книги](#)